

ТАИР АЛИ
КАРИАТИДА

Киноповесть

1. В ночь на воскресенье (полуподвал)

– ... так умерла, что и сама не заметила, – смеется женщина тихим старушечьим смехом. – Ты думаешь, так не бывает? Бывает, девочка, бывает! Поверь мне – в жизни все бывает. Еще и не такое! А в каком году – так, сразу, и не вспомнишь, да и какая теперь разница? Дни мои раньше были похожи один на другой, не отличишь, а уже после смерти и говорить нечего. Но если хочешь знать – в 89-м. Почти двадцать получается.

Худые плечи женщины накрыты пуховым платком. Покачав головой, она осторожно отодвигает от себя розетку с вишневым вареньем и маленькую тарелку с эклером, с рассеянной улыбкой раскрывает альбом с фотографиями.

– Вот интересно, всегда была такая маленькая, хилая, но при этом почти не болела никогда. По мелочи только. Простуда там, насморк, ангина была. Хотя подожди, нет – был у меня как-то цистит. Но все равно – ничего серьезного. Генетика все-таки сильная. А тут, представляешь, легла вечером, посмотрела телевизор, почитала немного и, главное, уснула хорошо. Легко так. Меня-то в последние годы, как на пенсию вышла, бессонница замучила. А тут – как в детстве. Закрыла глаза на минуточку – и уплыла. И еще, ночник забыла выключить! Так всю ночь счетчик, зараза, и крутил! И спала хорошо, ни снов, ни чтобы, извиняюсь там, в туалет встать. А только стало светать – из подвала-то моего солнца не видно, если, конечно, прямо к окну не подойти, окно-то во двор выходит – глаза открыла, легкость такая. Ничего не болит, голова ясная. Встала, походила, все, вроде, как обычно. Думала постель застелить и тут вдруг поняла. Ага! Видимо, во сне как-то само произошло. Сердце или что, кто его знает... Вот моя последняя фотография. Это я уже на пенсии была. Года за два до смерти. Меня на телевидение пригласили. Про отца рассказать.

Женщина раскрывает альбом с фотографиями на последней странице и, наклонившись ближе к столу, проводит по черно-белому снимку худой рукой без украшений, с темными пигментными пятнами.

– Такая я вот была. Серая. Правда?

– Нет, – задумчиво отвечает голос молодой женщины из темноты комнаты.

– Серая, серая! Я сама знаю. Зато вот сейчас покажу, какая была. – Женщина закрывает последнюю страницу альбома и разворачивает его на первой. – Ну? Смотри! Прямо принцесса! Правда? Платье на мне такое... Я, считай, и была принцесса, пока отец был жив. Это, между прочим, мы на папином пароходе. Я разве не говорила? У него пароходы ходили по Каспию. В Персию, в Астрахань... А тут, смотри – узнаешь? Балкон? Дом был тогда шикарный, новый! На зависть всем. Вон и итальяночки мои видны... кариатиды мои... подружки мои... до сих пор балкон держат. Ты только подумай, девочка: все рухнуло, а они держатся. Что значит итальянская работа! На совесть! И не постарели совсем, не то, что я. Их только чуть-чуть отстранивать и будут опять – молодые и красивые.

– Я собиралась... – отвечает голос тихо.

– Ну, ну! Что значит – собиралась? Сделаешь обязательно! Ты девочка сильная.

– Нет. Уже нет. Сами же видите, все из рук валится.

Женщина берет ложечку из розетки и помешивает чай в стакане.

– Все образуется. Ты, главное, ничего не бойся. Страх – это отравка. Страх – хуже смерти. Страх красит человека в серое. Страх отупляет. Когда-то я жила наверху, в той спальне, откуда видны мои кариатиды. Страх загнал меня сюда, в этот мерзкий подвал, куда раньше ссыпали уголь. Для кочегарки. Знал бы бедный отец, где я проживу всю жизнь. Это все мой страх.

– А чего вы боялись?

– Жить боялась, девочка! Чего же еще?

2

Мягкий майский вечер. В залитом светом зале ожидания аэропорта у закрытых дверей толпятся встречающие, сзади таксисты. Чуть особняком стоит солидный невысокий мужчина неопределенного возраста, в ладном костюме, с красивым букетом. Он гладко выбрит, аккуратно подстрижен, он смотрит на суетящихся вокруг неодобрительно и даже надменно, как и положено начальнику средней руки, но впечатление меняют живые, вполне осмысленные глаза. С ним – неброско, но дорого одетая женщина с подвижным и неприятным лицом. Так же, как и ее супруг, она чувствует себя явно некомфортно в толпе встречающих.

– Я же говорила тебе, – шипит она, стараясь не привлекать к себе внимания, – выезжать надо было позже! ... Полчаса уже здесь торчим!

Снисходительно улыбаясь, мужчина оборачивается к ней.

– Не преувеличивай. Любишь ты все преувеличивать. Десять минут только и стоим. Вон уже выходят.

Раздвижные двери открываются и в зал с чемоданами и тележками начинают выходить первые пассажиры. Женщина пожимает плечами:

– Мог бы водителя просто отправить, чтобы ее встретили, в конце концов. Нет, нужно же было обязательно всем сюда тащиться! Хорошо еще детей не взяли!

Поджав губы, она отворачивается от супруга, который, снисходительно улыбаясь, качает головой. Женщина между тем продолжает ворчать вполголоса, прижимая к себе сумочку.

– ...как же, красавица наша из Америки едет! Все должны быть на ногах! Целая делегация...

– Хватит, Мелек! Сколько можно? Не надоело? Люди же вокруг.

– ...красную дорожку забыли еще привезти с собой. Это, оказывается, мне должно быть стыдно? – забыв на мгновение, где находится, громко возмущается Мелек. – Ничего себе! Значит, мне должно быть стыдно! За что, спрашивается? Твой отец покойный эту нашу красавицу еле замуж выдал, выпихнул, можно сказать, отсюда, чтобы она тут ни с кем не связалась! Скажешь, не так? И что? ... Сидела бы там, у себя в Америке: муж, дети – чего ей опять не хватало? Что за фокусы опять?

– Тише, пожалуйста!

– Не нравится? Конечно, не нравится! Но тебе про нее и слова не скажи. Как же: «моя красавица сестра!» – передразнивает Мелек супруга, – она в Америке, понимаешь, училась... и что толку от ее учения? Кто она без ее мужа? Кому нужна? Ну как же, брат же есть... Он теперь будет опять ей сопли вытирать. Вот скажи мне, что она тут делать собирается? А? По подругам и ресторанам шляться? Тебя позорить?

– Прекрати! – меняется в лице мужчина. – Люди вокруг! Очнись! Чего ты к ней привязалась? Приезжает к себе домой, тебе что с этого? Она же с тобой жить не собирается... в отцовский дом приезжает...

– Отцовский дом, Рауф, твой дом тоже, между прочим! И твоих детей. Просто напоминаю. А во-вторых, если на то уж пошло, если меня спросишь, конечно, – уж лучше бы она с нами оставалась! – вдруг сменив тон и ухватив супруга за рукав пиджака, Мелек продолжает вкрадчиво: – Хоть перед глазами будет. Понял?.. Или ты

ничего не понимаешь? Чего она одна – без мужа, без детей – в трехэтажном доме будет сидеть? Потом никому ничего не докажешь. Опозоримся. Мне что, Рауф, больше всех надо? У тебя положение. Представляешь, сколько потом болтовни будет?

Рауф неодобрительно смотрит на жену:

– Ты прямо из нее какую-то... сделала.

– Ничего я из нее не сделала! – опять вспыхивает Мелек. – Просто говорю, так лучше будет!

Рауф пожимает плечами:

– Пусть живет у нас. Я просто думал, ты будешь... а вот и она, кстати!

Среди выходящих появляется подтянутая молодая женщина, одетая по-заграничному непритязательно и почти без макияжа. Она легко толкает перед собой тележку с чемоданами. Рауф быстрым шагом направляется к ней, неумело держа перед собой букет. Мелек семенит следом, улыбаясь издали золовке. Рауф обнимает сестру, целует ее в щеку и сует ей цветы. Несмотря на то, что Лейла в легкой спортивной обуви, она все равно выше брата почти на полголовы.

– Что ты, дорогая, так похудела! – успеваешь вернуть Мелек. – Не кормят тебя в этой Америке...

3

Вдоль дороги переливаются вечерними огнями многоэтажки, новый стадион, несмотря на вечернее время, на трассе много машин.

– Ну, чего еще снесли в городе? – спрашивает Лейла у брата, сидящего на пассажирском сиденье рядом с шофером.

– А ты когда в последний раз здесь была-то? Пять лет назад?

– На папину годовщину, – быстро отвечает за Лейлу Мелек и добавляет ворчливо: – Чаще приезжать надо...

– Да тут столько поменялось вообще. Не узнаешь! – Рауф оборачивается назад. – Считаю, новый город. Улицу Полухина помнишь?.. Все снесли! Все! А выше Аздремы – теперь парк!

– А все эти старые дома?

– Клоповники! – встревает Мелек.

– Помнишь, где Сола-ханым жила? Нижняя Нагорная, угол Щорса – теперь там скамейки и газон! – говорит Рауф самодовольно, как будто лично сам высаживал газон и мастерила скамейки.

– Ничего себе, даже представить не могу. А наш-то, надеюсь, еще на месте?

– На месте, на месте! Что с ним станется! Кариатиды твои его крепко держат, – смеется Рауф.

– Пока вы двое будете раскачиваться, он тоже развалится. И никакие кариатиды не помогут, – опять встревает Мелек. – Предлагал же человек в январе купить. И очень приличные деньги, между прочим, давал. Сейчас тоже не поздно...

– Знаешь, я так по дому соскучилась, – говорит Лейла, не обращая внимания на Мелек.

4

С балкона новостройки открывается вид на бакинскую бухту. Облокотившись на перила, Лейла говорит по мобильному телефону, время от времени нервно прикладываясь к электронной сигарете. Внизу движется цветной поток автомобилей. Теплый бриз надувает тюлевую занавеску над полуоткрытой балконной дверью, за которой виден накрытый стол под ярко горящей люстрой. Откинув занавеску, почти бесшумно входит Рауф.

– ...да, тепло здесь. Приятно. А у вас там как?.. Дети встали уже? Встали?.. Ты не забудь напомнить своей маме, что у Айгюн французский со следующей недели будет начинаться не в 4, а в половине пятого. Слышишь? Что?.. Я пока точно не знаю... Да, все в порядке.

Лейла оборачивается к брату, который, кивнув, подходит и молча становится спиной к перилам.

– ...ладно. Давай! – пытается Лейла закончить побыстрее разговор по мобильному. – В общем, если что, звоните. Рауф?.. Нормально. Поправился немного. Передам.

Она обращается к брату:

– Тебе привет от Эльмана.

– Спасибо, – без особого энтузиазма отвечает Рауф.

– В общем, тебе тоже привет, – говорит Лейла скороговоркой в трубку. – Короче, все нормально. Не беспокойтесь. Я утром наберу, с детьми поговорить. В смысле, утром – здесь, по-нашему. Все!

Дав отбой, Лейла по инерции прикладывает к сигарете.

– Ты что это, курить начала? – неприятно удивленный, спрашивает Рауф, разглядывая электронную сигарету у нее в руках. – С каких это пор?

Лейла смущенно убирает сигарету в карман джинсов.

– Да нет, просто балуюсь иногда. Они, говорят, не такие вредные.

– Вредные, не вредные – при чем тут это? Я тебя все время в пример детям ставлю. Говорю, тетя у вас спортивная. Бегает, плавает, форму держит. А дети, значит, с дачи приедут и что? Увидят, как ты смолишь?

– Ладно, ладно, не буду! – отвечает Лейла миролюбиво. – Не злись, ну! Я же говорю – балуюсь просто. Стресса много. А при детях я вообще не курю.

Рауф неодобрительно качает головой, откашливается. Он явно хочет о чем-то спросить, но, как будто не зная, с чего начать, мнетя; повернувшись, облокачивается на перила рядом с сестрой. Опять откашливается. Без костюма и галстука, в спортивных домашних брюках – от его начальственности почти ничего не осталось.

– А чего, действительно сильно поправился?

– А сам не чувствуешь?

– Есть немного! – хлопает себя Рауф по животу и кивает в сторону балконной двери. – Значит хорошо за мной смотрит, а?

– Да при чем тут это? Ты, извини, конечно, но ты и выглядеть стал хуже. Посмотри, какие мешки под глазами! Ты хоть обследовался?

– Э-э-э, ладно, ты тоже! – отмахивается Рауф. – Чего они мне скажут? Я все без них знаю. Холестерин, песок в почках, подагра... вот, дай бог, в сентябре поедем с Мелек в Карловы Вары – подлечимся. Я уже заказал.

– Все равно, прежде чем...

– Подожди, – вдруг обрывает ее Рауф, переходя на деловой тон, – потом про это. Ты лучше мне объясни, что это у вас там с Эльманом происходит? Толком объяснить можешь?

Лейла молча глядит на бухту.

– Ну? Сорвалась ни с того, ни с сего, приехала. Одна, без детей... Что-то серьезное у вас там, я так понимаю?

– Я тебя прошу, давай завтра поговорим, а? Вымоталась с этим перелетом.

– Я просто хочу знать, в чем дело. Ну хорошо, ну, а чего детей не привезла? Как они там без тебя будут?

– Справятся! – раздраженно отвечает Лейла. – Свекровь же там. Вот сын с матерью пусть и справляются. А то привыкли, что я все на себе тащу. Разберутся как-нибудь, ты за них не беспокойся.

Рауф задумчиво приглаживает волосы.

– Ты что, не рад, что я приехала? Сам же все время звал. – Она вытягивает из кармана электронную сигарету, а потом засовывает обратно.

– Думаешь, проблемы буду вам создавать? – спрашивает Лейла, понизив голос, и берет брата за руку. – Я же понимаю, это Мелек тебя все время накручивает. Ты не думай, проблем со мной не будет. Обещаю. Ты только с ремонтом помоги.

– Все готово, идите, садитесь уже! – зовет их Мелек из гостиной.

– Поможешь?

– Идем! – оборачивается Рауф к балконной двери, а затем опять облокачивается на перила. – Насчет ремонта...не знаю пока. Не знаю. Честно тебе говорю. Посмотрим. Идея хорошая, конечно. Его реально можно переделать под гостиницу. И спрос на это есть. И даже окупиться это все должно довольно быстро. Но и затраты немаленькие. Я переговорил тут кое с кем. Знаешь, сколько возни со всем этим? В Крепости вообще делать ничего невозможно стало. Продать легче.

– Продать, конечно, легче. Но только не забывай, одно дело – дом продаешь, а другое – готовую гостиницу. Цена в три раза вырастет. И зачем вообще продавать? Скажи мне? Сделаем гостиницу, буду сидеть управлять.

– Ничего себе! И что? А как же дети? Муж твой?

– Детей привезу сюда. Что, здесь учиться негде? – пожимает плечами Лейла.

– Твои же вон учатся. И ничего. Нормально.

– А Эльман?

– А он пусть с матерью своей сидит, – зло отрезает Лейла.

– Нет, это не дело. Как ты себе это все представляешь вообще?

– С ним я сама разберусь.

– В смысле?

– Уже разобралась, – чеканит Лейла. – Разобралась и все. Ты не беспокойся, разводиться мы не будем. Скандалы устраивать тоже. Но жить с ним я больше не могу. А с его матерью тем более. Пусть сидят там вместе и делают, что хотят.

– Я не понимаю...

– Потом как-нибудь, Рауф, давай лучше о гостинице поговорим. Все твои вложения за года полтора-два окупятся. Мы же считали сколько раз. Помнишь? Смета большая, я понимаю. У меня есть немного своих денег. Могу попросить у Эльмана. В конце концов, это касается его детей тоже. И главное – дело беспроигрышное, туризм – самый быстро окупающийся бизнес. Ты же сам все время говорил. Что изменилось? И...

– Лейла...

– ...папа тоже хотел, чтобы дом в семье остался. Разве нет? Я попросила знакомого сделать дизайн на компьютере. У меня на ноутбуке... хочешь посмотреть... тебе понравится!

– Вы идете или нет? – опять зовет их Мелек.

– Посмотришь? – Лейла выпускает руку брата и бросается к балконной двери.

Рауф удерживает ее.

– Потом! Потом!..– удерживает ее Рауф. – Идем за стол уже.

Наклонившись к сестре, он быстро шепчет ей на ухо:

– Только я тебя прошу, при ней ничего не говори пока, ладно?

– Не буду. Не пойму, чего ты ее так боишься? Она же дура полная.

– Остывает же все!...

5. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

Потемневшие от времени и чуть обветшавшие кариатиды равнодушно глядят сверху на прохожих и редкие машины, проезжающие вверх по узкому переулку, молчаливо брусчаткой.

Массивный балкон, который они поддерживают на своих хрупких плечах, завален мусором и явно нуждается в ремонте. Над балконной дверью, в большом, вырезанном из камня лепестке – фамильный вензель: две переплетенные друг с другом заглавные буквы. В мутных от грязи окнах особняка отражаются соседние, отреставрированные уже дома. Под самой крышей особняка, на уровне третьего этажа, опасно отошла облицовка.

– Ох, эти две девочки, лица у них такие... как говорят... импортные. Я им придумала имена когда-то. Вот ту, что справа – ее хорошо было видно из моей спальни – назвала Лейлой. Это в честь моей старшей сестры. Она умерла, бедная, когда ей было 9. От пневмонии. Мне было пять. Я почти не помню ее. А если попытаюсь вспомнить, закрою глаза – вижу лицо правой кариатиды! – тихо смеется женщина. – Девочки как будто одинаковые. Все думают, что одинаковые, правда? Но это только на первый взгляд. Я-то знаю! Если присмотреться, та, что слева, как будто моложе. И потом у нее нос как будто чуть изящнее. Заметила? Вот молоденькую я назвала как себя – Сарой. Так мы и стоим – две сестры, держим балкон. Думаешь, глупость? А я тебе скажу: все забывается. Время разрушает все, а детские воспоминания остаются. Спроси меня, как я жила все эти годы – и рассказать нечего, а это я помню! Маленькой я представляла, как их укладывают в большие ящики с опилками, как в гробы, где-то в Италии, а потом долго везут пароходами, через иностранные порты, сюда, к нам. Как их выгружают, расколачивают эти ящики через много дней, недель, вытирают их лица от пыли и выносят на наше яркое солнце.... Когда-то они обе были младше меня, дом закончили в 1909. Но меня уже нет, а они все стоят. Почти не постарели. Потрепались только. Жалко, – листает она альбом, – есть только одна фотография Лейлы. Где она тут... подожди... кстати, «Отель Кариатида» – звучит интересно. Хорошо придумала, девочка! Думаю, итальянцам нашим понравится.

6

Лейла на беговой дорожке, в ушах наушники, чуть слышно, как играет быстрая музыка, слышно ее учащенное дыхание. Она выглядит хорошо в ладно сидящих на фигуре спортивных рейтузах и яркой майке. Она бежит, не обращая внимания на назойливый интерес молодых людей, которые, почти не скрываясь, с интересом разглядывают молодую спортивную женщину на тренажере.

Музыка в наушниках начинает звучать отчетливее и громче, вместе с учащенным дыханием Лейлы перед ее мысленным взором всплывают картины из недавнего прошлого: искаженное внезапной яростью лицо мужа на кухне в их доме в Америке, он беззвучно кричит на нее под играющую в наушниках бодрую музыку. Лейла невольно увеличивает темп, на покрасневшем лице ее выступают крупные капли пота. Эльман продолжает беззвучно кричать, жестикулирует, потом толкает ее. Лейла теперь бежит уже изо всех сил, на износ. Бешено колотится сердце.

Уже совершенно обессиленная, она соскакивает с беговой дорожки и, уперевшись руками в колени, стоит, пытаясь перевести дыхание. Пот капает на пол. Молодые люди в зале смотрят на нее с удивлением. Еще не отдышавшись, она нашаривает в спортивной сумке бутылку с водой и пьет из нее маленькими глотками. Срывает с ушей наушники.

Позади нее все еще быстро тянется лента беговой дорожки. Кто-то в майке с логотипом тренажерного зала подходит и выключает дорожку.

– Девушка, вы так себе дышалку сорвете.

Не обращая на него внимания и даже не оборачиваясь на голос, Лейла швыряет наушники и бутылку в сумку и быстро идет к выходу из зала.

Лейла долго возится с замком двери. Дверь старая, массивная, из дуба, но даже потемневшая от времени бронзовая табличка «А.Асадуллаев» не умаляет ее респектабельности. Дерево рассохлось, и ключ в замке никак не хочет поворачиваться. Мешает сумка. Лейла снимает ее с плеча и бросает себе под ноги. Наконец замок с громким щелчком поддается. Она нажимает на ручку и решительно толкает дверь вовнутрь.

Из-под нависающего над переулком балкона каменными глазами на нее глядят кариатиды.

Просторный холл с широкой лестницей окутывает мягкий пыльный полумрак, пронизанный косыми лучами света, льющегося из прорех между гардинами, которыми завешаны высокие окна. Подхватив сумку, Лейла осторожно входит внутрь, но так, чтобы остаться в прямоугольнике солнечного света, проникающего из открытой входной двери. Отцовский дом встречает ее равнодушной тишиной. Она настороженно оглядывается по сторонам. Вдоль стен различимы очертания диванов, накрытых простынями.

– Эй! – голос Лейлы глухим эхом прокатывается по заставленной мебели комнате и угасает где-то на лестнице. Она делает шаг вперед, выходит, наконец, за пределы солнечного прямоугольника на грязном мраморном полу. Не снимая сумки с плеча, Лейла проходит немного вперед, почти до середины зала, останавливается, достает из кармана телефон и, включив экран, проводит им, как фонариком, вдоль стен. Голубоватый свет мобильника высвечивает в темноте выключатели на стене над одним из диванов. Она подходит к дивану и, стараясь не касаться его, щелкает подряд всеми выключателями по несколько раз. Свет не загорается. Тогда, метнувшись к ближайшему занавешенному окну, она хватается края пыльных гардин и быстрым движением раздвигает их. В воздух тотчас взметаются клубы пыли. Солнце широко вливается внутрь. Она долго возится со шпингалетами на разошедшейся от времени раме, изо всех сил тянет на себя ручку, наконец после нескольких попыток ей удается распахнуть и само окно. Теплый весенний ветерок подхватывает и крутит пыльные гардины. Она быстро переходит от окна к окну, распахивая их по очереди. Но несмотря на это насыщенный полумрак старой залы не рассеивается совсем, он лишь отступает в глубину, забивается под парадную лестницу, зависает темными сгустками по многочисленным углам, прячется в завитушках тяжелой лепнины, с которой почти сплошь сошла парадная позолота.

Лейла оглядывается. Она кажется несоразмерно хрупкой по сравнению с этим нежилым пространством, набитым старой мебелью, под этими четырехметровыми потолками, с которых длинными струпами свисает облупившаяся краска. Пространство, и без того большое, многократно увеличивается мутными зеркалами в тяжелых рамах, в которых эфемерным полу-призраком отражается и сама Лейла, и ржавые разводы на стенах от многолетних протечек. Справа и слева на нее смотрят запертые двери. Она снова достает из кармана массивную связку ключей.

Звуки отпираемых дверей, перемешиваясь со звуками улицы, эхом катятся вверх и вниз, достигают подвала и резонируют в спальнях третьего этажа.

Перескакивая через ступеньки, Лейла легко взбегает по лестнице наверх, переходит от комнаты к комнате, от гостиной к просторной кухне, и повсюду, словно одержимая, сдергивает занавеси, распахивает окна и двери, разгоняя застоявшийся запах пыли и сырости.

Останавливается она только в конце коридора, на пороге своей спальни.

В небольшой комнате два высоких окна. Как и прочие окна в доме, они плотно зашторены. Но Лейла не спешит их открыть. Она продолжает стоять некоторое время на пороге, привыкая к полумраку. И лишь потом бесшумно проходит вперед по тол-

стому коврику и, чуть приоткрыв одну из гардин, разглядывает комнату. У изголовья тахты, накрытой пледом, тумбочка с ночником, на стене – полки с книгами, платяной шкаф, на небольшом трюмо – разнобойные пузырьки с давно выветрившимися духами, фарфоровые статуэтки, прочая девичья чепуха, уже успевшая обрасти заметным слоем пыли. Рядом с изголовьем на стене, между китайским веером и старым календарем с рок-звездой, висит вполне уверенный карандашный набросок, на котором под зонтом стоит девочка, похожая на Лейлу. Набросок черно-белый. И только зонт окрашен канареечным цветом. В нижнем углу наброска едва видна буква «Д».

Лейла достает свой мобильный и фотографирует комнату. Отдельно – набросок. А затем, отодвинув занавеску пошире, она глядит в мутное окно, откуда виден край балкона с одной из кариатид. Для того, чтобы увидеть вторую, нужно пробежать до конца длинного коридора в родительскую спальню.

8

Коренастый мужчина с нависающим над щетинистыми усами крючковатым носом, почти карлик, заходит в гостиную на втором этаже с камином в углу и начинает бодро отряхивать рукава твидового пиджака.

– Собачья работа, честное слово!..

– Все посмотрели? – спрашивает его Лейла. Сложив руки на груди, она стоит, спиной прислонившись к массивному буфету.

– Все время в пыли, в цементе... в грязи какой-нибудь... Посмотрел, посмотрел, ханым. И на крышу вылез... и в подвал спустился... там, где выход на крышу – замок на решетке сломан, ногтем открыть можно... Что сказать – много работы... много... – качает прораб головой, он никак не может закончить отряхиваться. – Объем, как говорится, большой... дом солидный, старый. Лет сто, наверное, ему?

– Что много работы – и без вас знаем, – отрезает Лейла.

Прораб продолжает качать головой.

– Ты давай конкретно говори, – вступает в разговор сидящий на диване Рауф. Перед ним на столе пепельница с дымящейся сигаретой.

Перестав наконец отряхиваться, прораб начинает энергично озираться по сторонам, задерживаясь цепким взглядом на следах протечек на потолке.

– ...видите, Рауф-муаллим, и здесь тоже! И все на правой стороне. Это, видать, с верхней ванной. Где-то в стене там течет, я думаю. Придется ломать. А это такое дело. Старый дом, сами понимаете, это не хрущевка в микрорайоне, что-нибудь тронешь – все полетит сразу.

Цокая языком, он срывается с места и начинает мерить рассохшийся паркет короткими нервными шажками. На голове у него вельветовая кепка. Из нагрудного кармана пиджака торчат очки.

– Боюсь, всю крышу заново придется класть.

– По проекту добавим этаж. Стекланный по периметру ресторан, – сообщает прорабу Лейла.

– Четвертый? Я видел такие. Это хорошо. Очень хорошо. Здесь недалеко через пару кварталов есть такое... тем более, крышу придется всю заново делать.

– Смету когда составишь? – спрашивает его Рауф. – Два дня хватит?

Как и в аэропорту, на Рауфе дорогой темно-синий костюм. Только галстук другой.

– Два дня, Рауф-муаллим? – с сомнением качает головой прораб, остановившись на половине пути до пианино. – Не успеем. Я же только так посмотрел. Ребята мои посмотреть должны.

Прораб опять нервно срывается с места и, дойдя, наконец, до пианино, проводит рукой по полированной крышке.

– Как говорится, красивая вещь!
– До пятницы, братец, постарайся управиться.
– До пятницы, муаллим?... – Оставив пианино в покое, прораб начинает быстро хлопать себя по карманам пиджака, находит очки, насаживает их себе на нос и, чуть притоптывая на месте от нетерпения, выуживает из другого кармана блокнот. Наслюнявив пальцы и шумно перебросив несколько страниц, он начинает что-то читать, беззвучно шевеля лиловыми губами.
– Сейчас, сейчас, муаллим! – заверяет он, глядя на Рауфа поверх очков, чувствуя, что пауза слишком уж затянулась. Наконец прораб закрывает блокнот. – Успеем до пятницы.
– Вот и хорошо, – давит Рауф сигарету в пепельнице.
– Если послезавтра начнем – успеем.
– А почему не завтра? – спрашивает Лейла.
Прораб оборачивается к ней:
– Завтра?.. Можно и завтра начать. Только Фарман завтра не сможет, ханым.
– Какой еще Фарман? – морщится Лейла.
– Электрик мой. Большой профессионал! Сейчас, сами знаете, сколько развелось фармазонов, я извиняюсь. Только у людей хлеб отнимают. А Фарман не какая-нибудь деревенщина – Тесла! Кулибин! – тычет прораб крючковатым пальцем вверх.
– А чего он завтра не сможет?
– Сорок дней у него. Теща. Вот, пожалуйста, пример вам: заболела женщина. Считаю – криком кричит. Побежали по врачам. К одному, второму, третьему. Та клиника, другая. Везде говорят «конечно, конечно», и везде платить надо. За прием, за рецепт, за анализы. Везде...
Прораб загибает пальцы:
– Анализы такие, анализы сякие, кровь, то, это. На моих же глазах все! Потом говорят: нужна операция. 3500 порезать ее! Представляете? Ну, куда денешься... – разводит он руками. – Заплатили. Положили женщину на операцию. Порезали ее, и что?
– Что? – спрашивает Лейла.
– Говорят, извиняюсь, рак. Ничего не поделаешь. А чего, спрашивается, тогда женщину мучили? Чего резали? И деньги пропали, и она полгода не прожила!..
– Ладно, ладно, братец, давай к делу. Значит, в пятницу? – Рауф поднимается с дивана и, заложив руки за спину, неспеша идет к камину.
– В пятницу, дай бог, сядем, на цифры посмотрим. А сколько, вы говорите, номеров должно получиться?
– Двадцать... – быстро отвечает Лейла. – Плюс ресепшн.
– Ага, по 12 квадратов, вы сказали?
– И четыре премиум-класс по 16.
– Ага!
– А там, где сейчас вторая кухня внизу, – кафе для завтрака...
– И четвертый этаж, значит. А чертежи можете мне послать? С чертежами все-таки легче.
– На имейл?
Рауф открывает дверцу напольных часов с боем, стоящих рядом с камином. Пытается завести их. Тянет гири вниз, крутит стрелки. В часах что-то стрекочет, они на мгновение как будто оживают, затем музыкально лопается пружина, гири с грохотом летят вниз. Безжизненно повисают стрелки.
– Сломал, кажется...
– По моим расчетам, вместе с перепланировкой, – говорит Лейла, наклонившись над монитором ноутбука, – должно получиться около 350, максимум 370 за квадратный метр.

Прораб качает головой, сдергивает с головы кепку и, пригладив лысину, надевает кепку обратно:

– Что вам сказать, ханым. Дай бог, чтобы так и вышло, дай бог! Кто против? Цена, как говорится, рыночная. Только как пока скажешь? Я же только так – поверху посмотрел. И материал сильно поднялся в цене, все же строят...

Откуда-то из-за часов выскакивает и несется мимо Рауфа, по диагонали через всю комнату, клацая по паркету коготками, мышь.

– Зараза! – вскрикивает Рауф.

– Ой...! – Лейла запрыгивает на диван. Прораб стаскивает с ноги туфлю и прицельно швыряет ее вслед грызуну. Мышь исчезает из поля зрения.

– Убежала?

Подпрыгивая на обутой ноге, прораб добирается до своего башмака.

– Куда она убежит? – перевернув носком ноги туфлю, он обувается, а затем, наклонившись, поднимает за кончик хвоста убитого грызуна, демонстрирует его Рауфу и Лейле. – От меня не убежишь!

Смущенная своей реакцией, Лейла спрыгивает с дивана.

– Да ты, брат, просто снайпер! – смеется Рауф.

– А как же, муаллим! Такая маленькая, с палец, как говорится, а женщины боятся, как будто тигр... В ней же жизни два с половиной грамма!.. Лейла-ханым, где у вас тут ведро мусорное?

9. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

– Это было не в первый раз, когда он меня ударил. Но в этот раз точно – в последний!

Оставив ложечку в розетке с нетронутым вишневым вареньем, Лейла раскуривает электронную сигарету. Она одна за кухонным столом, покрытым выцветшей клеенкой с красными цветами. Облачко теплого дыма от сигареты на мгновение завешивает полутемный прямоугольник комнаты, а затем рассеянными клубами поднимается и зависает вокруг горящей над столом лампочки в желтом абажуре. Лампочка горит тускло.

– Когда они спихнули меня замуж, мне было всего 21.

– Спихнули? – спрашивает тихий голос женщины из темноты.

– А как еще по-другому назвать? – резко спрашивает Лейла. – Уговаривали всей семьей. Я видела, конечно, его несколько раз: симпатичный, ничего не скажу. Умный, учился в Америке. Если честно, не понравился бы он мне – я бы ни за что за него не вышла. Что бы они ни делали. Понравился. Так, чисто внешне. И что? Я же совершенно его не знала. Но тут сразу началось: истерики каждый день. «Скорая» каждый день. Подруг моих подключили. Рауф из Москвы чуть не каждый день звонил, отчитывал: «У мамы гипертония... пожалей маму... отличный парень... что тебе еще надо... это то, что тебе сейчас необходимо... уедешь за границу...». Все на меня набросились. Даже отец! Уговаривали меня, как будто я какая-то ненормальная, от которой нужно срочно избавиться. Выпихнуть замуж и выслать из страны. Они как с ума посходили все вдруг. Из дома меня не выпускали. Следили за каждым моим шагом. Мама залезала в мои вещи, проверяла телефон – никогда такого от нее не ожидала.

– Беспokoились, – тихо отвечает Лейле полусумрак женским голосом.

– О чем они беспокоились? Что я и вправду была ненормальной какой-то или, уж не знаю, какой-то развратной, невоспитанной, бездарной? Я никогда не давала повода. Что бы я сделала такого? Убежала бы с кем-то, выскочила бы замуж неизвестно за кого?... Да нет, конечно. Им просто не хотелось мной заниматься, легче же выпихнуть замуж, избавиться от ответственности... Все знали, что лучше для меня, кроме меня самой! Они так издегали меня, что я просто уже не знала, что делать!

Лейла кладет на стол свою сигарету. Гаснет фиолетовый огонек. Она молчит, нервно накручивая на палец прядь волос.

– Вот я и вышла за Эльмана. Лишь бы не слышать их упреков больше. А через 5 дней мы улетели. В Америку. В съемную квартиру. Я летела, не зная куда, и неизвестно с кем.

Где-то над головой, на верхних этажах, слышится шум. Шум постепенно нарастает, становится отчетливее. Он похож то ли на завывание ветра, то ли на плач. Лейла вскидывает глаза к низкому сводчатому потолку подвала. Вслушивается. Где-то гулко хлопает дверь. Лампочка в абажуре вдруг начинает искриться, сигнализируя о скачке напряжения.

– Ветер поднялся, – успокаивает ее голос.

– Ветер, – повторяет Лейла, продолжая смотреть вверх. – Ветер...

10. (в квартире у брата)

На Лейле розовый махровый халат с капюшоном, она сидит, сгорбившись, потурецки, на разобранной кровати. В комнате темно, лишь светится раскрытый ноутбук на прикроватной тумбочке. Она старается говорить тихо, так, чтобы не было слышно в соседних комнатах.

– Не опаздываешь? – спрашивает она некрасивую девочку на экране компьютера. Девочке лет 13-14, на ней очки, на зубах поблескивают брекеты.

– Нет.

– Ты хоть помогаешь по дому...? Бабушке своей помогаешь?

Девочка долго не отвечает.

– Чего молчишь? Я говорю, бабушке помогаешь или опять ни черта не делаешь?

– А что ты там делаешь? – спрашивает девочка с вызовом.

Стараясь не сорваться, Лейла поправляет упавшую на лицо прядь, откашливается.

– Я уже тебе сто раз объясняла – ремонтируем дедушкин дом! Я и дядя Рауф. Переделываем его под гостиницу...

– А почему ты нас с собой не взяла?

– Так у вас же школа еще! Куда?

– Школа через неделю заканчивается.

– Ты же взрослая девочка, должна понимать: здесь начинается ремонт. Понимаешь? Пока все организуем, здесь даже оставаться толком негде. Мы с папой договорились, что он пришлет вас в середине июля... он уже и билеты заказал.

Девочка опять долго не отвечает.

– Ну? Поняла?

– Все ты врешь, – говорит она, холодно глядя на мать. – Нас папа все равно не отпустит. Думаешь, я не знаю, что вы разводитесь.

– Что ты болтаешь? – все-таки срывается Лейла. – Прекрати совать свой нос в дела взрослых! Не лезь! Только тебя еще не хватало! Никто ни с кем не разводится, понятно? У меня тут ремонт...

В углу компьютерного монитора появляется младшая дочь:

– Мама! Мама!... Дай я с мамой поговорю! – кричит она, пытаясь оттолкнуть сестру. Старшая грубо отпихивает младшую.

– Сейчас же прекрати!

– Бабушка...! Бабушка...! – плачет младшая. – Она меня ударила... не дает мне с мамой поговорить...

– Ну как тебе не стыдно – взрослая дылда, дай ребенку поговорить! – возмущается Лейла.

– Бабушка!.. Она меня ударила! Дура!
– Сама дура! – оборачивается к ней старшая.
– Рена! – кричит Лейла в отчаянии.
– Иди ко мне, зайныка, что случилось... – мелькает за спиной дочери свекровь.
– Она мне не дала с мамой поговорить... – хнычет младшая.
– Рена...! – повторяет Лейла и замолкает: во взгляде старшей дочери сквозит нескрываемое холодное презрение

– Рена, – повторяет она растерянно, – Рена...

Связь прерывается. Очевидно, Рена отключила скайп. Лейла начинает лихорадочно кликать курсором на изображение трубки на экране, слышны вызывные гудки, но дочь не отвечает. В бешенстве Лейла захлопывает крышку ноутбука. Дверь открывается, и в спальню заглядывает Мелек.

– Все нормально? – спрашивает она как ни в чем не бывало, но по ее едва заметной улыбке понятно, что она слышала разговор Лейлы. – Поговорила с детьми? Не скучают?

Едва сдерживая себя, Лейла холодно кивает:

– Все нормально.

– Будешь еще говорить с девочками, передай привет от нас. У тебя здесь прохладно, может, закроешь окно?

– Все нормально, – упрямо повторяет Лейла.

11

Лейла на беговой дорожке. И опять из наушников льется быстрая музыка, и опять она бежит на износ, несмотря на почти бессонную ночь в квартире брата. Она смотрит на крашеную стену напротив так, словно видит кого-то или что-то перед собой. Какую-то цель. Наконец, выключив тренажерную дорожку, она на ходу спрыгивает в сторону и садится на скамейку у стены.

– Все еще надрываетесь, девушка? – с ухмылкой спрашивает, как и в прошлый раз, работник зала в фирменной майке. – Вам худеть не надо...

Две девицы в дорогих спортивных костюмах недалеко от Лейлы шушукуются между собой, бросая на нее украдкой любопытные взгляды.

– ...вы и так в отличной форме...

В душевой зала, уложив влажные еще волосы, Лейла достает из спортивной сумки косметичку и кладет ее на раковину перед зеркалом.

12

– Я при чем? – оборачивается к Лейле, сидящей на заднем сидении, таксист. – Сами же видите – пробка! Сейчас весь город стоит!

– Вижу. Авария, что ли?

– Если бы авария – не так обидно было бы. К «Формуле» готовятся! Все перекрыли. Кому, я спрашиваю, эта «Формула» нужна... – ворчит таксист, сигналивая протискивающейся перед ним машине. – Куда лезешь! Ну куда?

– Долго будем стоять?

– Да откуда же я знаю?

– Тогда... – Лейла лезет за кошельком в сумку, достает несколько купюр и, бросив их на пассажирское сидение впереди, начинает выбираться из почти не двигающегося автомобиля.

– Да что ты делаешь! Под машину попадешь!.. – кричит таксист возмущенно и собирает с сиденья деньги. – Девушка, мало! Мы так не договаривались...

– Ты даже полдороги не проехал! Достаточно!..

Не слушая возражений таксиста, Лейла захлопывает дверцу и, маневрируя между ползущими в пробке машинами, со спортивной сумкой через плечо легко перебегает на тротуар.

– Да чтоб тебя...! Ненормальная! – кричит вслед таксист.

13

Моложавый официант отделяется от стойки и быстро подходит к Лейле.

– Добро пожаловать!

Лейла начинает подниматься по внутренней лестнице на второй этаж кофейни.

– Там для курящих, – говорит официант.

– Я знаю, – кивает ему Лейла.

Кофейня только открылось, почти нет посетителей. На втором этаже за столиками никого нет. Только в дальнем углу у овального окошка на низком диване сидит молодой человек в пиджаке. При виде Лейлы он поднимается с места. Лейла машет ему издали, обходя столики в узком помещении, идет ему навстречу. Молодой человек продолжает стоять. Под пиджаком на нем красная футболка.

Добравшись до столика у окна, Лейла бросает на пол спортивную сумку.

– Привет! – говорит она весело и, с интересом разглядывая молодого человека, опускается на диванчик. – Что у тебя за борода? В хипстеры записался?

– Просто модно сейчас, – отвечает молодой человек, смущенно оглаживая бороду, и садится напротив. – Ты что будешь? У них здесь отличные пирожные. С миндалем. Очень вкусно. Ты завтракала?

К ним подходит официант.

– Я вообще-то даже не завтракала.

– Может, тогда что-нибудь...

– Не надо, давай пирожные и капучино. У вас есть капучино? – поворачивается она к официанту.

– Вам обычный или с шоколадом?

– Обычный.

– И мне тоже, – говорит молодой человек. Дождавшись ухода официанта, он придвигается ближе к столу: – Ты стала такая...

– Старая?

– Какая старая! При чем тут старая... – начинает он протестовать.

– Ладно, ладно! – прерывает его Лейла. – Так о чем ты хотел поговорить?

Он берет со стола пачку сигарет и вопросительно смотрит на Лейлу.

– Ты не против, если я закурю?

– Да кури, – говорит она, пожимая плечами. – Ты извини, времени у меня в обрез.

– Да, да... – говорит он, вытряхивая из пачки сигарету. Откинувшись на спинку дивана, а затем снова придвинувшись ближе к столу, он нервно катает сигарету между пальцами, не закуривая. – Короткие волосы тебе подходят. Просто непривычно...

– Ты об этом хотел поговорить? – насмешливо спрашивает Лейла.

– Нет... просто к слову. У тебя в школе были длинные.

Лейла продолжает насмешливо разглядывать его.

– Какая теперь разница, какие волосы были у меня в школе...

Он долго не отвечает. Наконец прикуривает от зажигалки.

– Я писал тебе. Ты не отвечала.

– А почему я должна была отвечать? Ты пишешь замужней женщине признания в любви, и как ты думаешь, как я должна было реагировать?

– Не знаю, – он прячет глаза. – Написала бы, что я идиот. Заблокировала бы номер.

– Ты за этим меня позвал? Может, я еще виновата в чем-то? Так ты скажи!

– Нет, нет! Послушай... Я знаю, что все это тебе кажется глупостью. Я просто хотел тебя увидеть. Понимаешь?

– Зачем?

– Поговорить. – Он откашливается. – Если честно... ты прости меня. Я хочу извиниться. Понимаешь?

– За что?

– Тогда в школе...

– Глупость какая! – отмахивается Лейла.

– Нет, не глупость! – горячо говорит он. – Не глупость! Я хочу, чтобы ты поняла, я был очень зол на тебя... поэтому все так получилось, по-дурацки...

– Ты же говоришь, что любил меня? Поэтому ничего не сделал, когда эти два урода изрезали мою сумку и бросили ее в туалет? – зло спрашивает Лейла. – Когда они травили меня каждый день? Ты таскался за мной чуть не с пятого класса. Ходил следом, посылал записки, рисовал, и что потом? Даже не заступился!..

– Я не заступился? Я ... я просто не знал, что делать. Ты же все время меня игнорировала! Как будто меня не было, как будто я был пустым местом. Ты знаешь, нет ничего хуже этого. Думал, ты презираешь меня.

Лейла качает головой, затем, глядя в лицо Джавиду, произносит отчетливо, почти холодно, с едва ощутимой нотой презрения:

– Я любила тебя, Джавид.

Джавид растерянно молчит.

– Ты ранил меня больше всех.

– Господи, Лейла, – протестует он, – ну улыбнулась бы мне хоть раз!.. я не знаю... хоть кивком головы дала бы понять! Я мучился как ненормальный. Я же ходил за тобой... как привязанный... неужели ты не видела!

– И что я, по-твоему, должна была делать? Броситься тебе на шею? Ты вспомни школу, в которой мы учились, вспомни класс. А потом ты связался с этими подонками и начал издеваться с ними заодно... – Лейла отворачивается к окну. – Особенно в последний год, помнишь?

– Ты не понимаешь, я хотел привлечь твое внимание... совсем потерял голову...

– Очень своеобразный способ привлечь внимания. Слушай, а за что они меня все так ненавидели? Никак не могу понять. Столько лет прошло, до сих пор иногда думаю об этом. Что я им сделала?

– За что? Как это?.. Это же понятно! Ты была другой.

– Что значит «другой»?

– Ну, другой! Непохожей на всех.

– Белая ворона, что ли? Да вроде бы нет.

– Не знаю, как толком объяснить... Ты вела себя как... я не знаю... Ты даже не говорила почти ни с кем, кроме этой чокнутой Мехрибан!

– Ерунда! – кривится Лейла. – Я не задираю нос, не выпендривалась. Одевалась как все, ходила как все... Да, у меня были известные родители, и что? Мало ли у кого какие родители!..

– Нет, нет... – закуривает опять Джавид, выпускает густо дым в потолок. – Это как у военных самолетов система распознавания «свой-чужой». Они по сигналам распознают чужого.

– И что?

– Ты была как... принцесса! Особая! – порывисто говорит Джавид.

– Джавид, я плакала почти каждый день, – говорит Лейла с горечью, продолжая глядеть в окно, за которым виден уже оживший к этому времени кусочек центральной улицы. – Неделю, две, три... не помню. Я, конечно, могла пожаловаться отцу, могла позвать брата, но было так обидно. Невыносимо. Не из-за их насмешек... а из-

за тебя, из-за твоего предательства.

Появляется официант с подносом. Ставит кофе перед Лейлой и Джавидом, тарелку с пирожными.

– Что-нибудь еще?

– Нет... спасибо, – упавшим голосом говорит Джавид и сминает недокуренную сигарету в пепельнице. Официант меняет пепельницу и уходит. – ... Я не знаю, что сказать тебе... я...

Зачерпнув ложечкой кофейную пенку, Лейла пробует капучино:

– Вообще-то, – говорит она, – очень неплохо. Вкусно.

14

Зайдя в свою спальню в старом доме, Лейла прикрывает за собой дверь. Шум и голоса из гостиной становятся глуше. Первым делом она раздвигает занавеси, деловито оглядывается по сторонам: много вещей. Поджав губы, Лейла идет через всю комнату к массивному шифоньеру. Шифоньер набит до отказа ее старыми нарядами. Она скептически глядит на платья, аккуратно, в ряд, висящие на плечиках, легко проводит по ним рукой. Зацепившись взглядом за одно из них, снимает платье с вешалки и прикладывает к себе, смотрится в зеркало на дверце шифоньера, а затем, сняв с плечиков, небрежно кидает его на кровать. В дальнем углу шифоньера висит ее свадебное платье, обернутое в целлофан с нафталиновыми шариками.

Лейла выходит из комнаты и возвращается с пустой коробкой. Положив ее на пол у кровати, она по очереди снимает платья с плечиков и, не складывая, бросает их в коробку. Голоса и шум в коридоре то нарастают, то становятся тише. В комнате душно. Смахнув со лба испарину, Лейла прерывает работу и безуспешно пытается открыть окно. Оконная рама безнадежно треснула. Она изо всех сил дергает ручку, ржавые шурупы выскакивают из гнезд, и ручка отрывается.

– Зараза! – швыряет она ручку на ковер.

Коробка между тем уже почти полная, а в шифоньере еще много вещей. Уперев руки в бока, она озирается по сторонам, в раздумье поджимает губы. Затем решительно сдергивает с кровати покрывало, расстилает его на полу и вываливает на него содержимое коробки.

– Лейла-ханым? – просовывается в полуоткрытую дверь голова прораба в вельветовой кепке.

– Что? – оборачивается она к нему, на ходу снимая заколку, туго стягивающую на затылке волосы. Тряхнув головой, она распускает волосы по плечам.

– Второй этаж уже пустой, – сообщает прораб, не заходя в комнату. – Все вынесли. Машина уже ушла. Сейчас уже здесь начинаем. Вы долго еще?

– Нет. Осталась только эта.

– Тогда мы пока начнем с большой спальни.

– Начинайте.

– Понял.

Крючковатый нос и вельветовая кепка прораба исчезают за дверью.

Лейла утрамбовывает руками пеструю гору одежды. Теперь очередь за полками и комодом.

В дверь снова просовывается вельветовая кепка прораба.

– Лейла-ханым, извините, что беспокою, там внизу ребята кое-что нашли, хочу показать вам.

– Что еще нашли?

– Да в подвале. Они подвал освобождали, там шкаф такой здоровый, чуть не до потолка. Я уже звонил Рауф-муаллиму, он сказал, чтобы вы сами посмотрели...

Лейла с прорабом быстро спускаются на второй этаж, проходят мимо большой гостиной с камином – без мебели гостиная выглядит еще более обветшалой, позолота на потолочной лепнине еще более тусклой, а зеленые разводы по углам еще более зловещими, словно трупные пятна. Прораб с кожаной папкой подмышкой едва поспевает за ней.

– Все, все уже вынесли... – тараторит он, указывая на ходу папкой в глубину коридора с распахнутыми настежь дверьми пустых комнат. – ...Ребята работают как часы...

Они продолжают спускаться, оказываются в фойе, которое так же, как и гостиная, выглядит сиротливо и пусто. Прораб забегаёт вперед перед Лейлой, показывая ей дорогу. За одной из дверей на правой стороне начинается довольно узкий коридор, освещенный стоящим у стены переносным строительным светильником, от которого тянется канареечного цвета желтый кабель. Стены коридора окрашены до середины салатовой краской.

– ...мы временно напрямую соединили... завтра, дай бог, – оборачивается он к следующей за ним Лейле, – Фарман подойдет, займется электрикой.

– Ну и где? – спрашивает нетерпеливо Лейла.

– Дальше, дальше! Там, внизу, типа склада, велосипеды стояли...полки...коробки...

– Да знаю я! Это кладовка. Соленья там держали...

– Сейчас, сейчас!

Они доходят до еще одной двери, за которой начинается просторное помещение со стеллажами вдоль стен. Здесь тоже горят по углам переносные светильники. Они подходят к трем рабочим в комбинезонах, стоящим у сдвинутого в сторону громадного шкафа. За шкафом видна неоштукатуренная кирпичная кладка.

– Что это? – сложив руки на груди, спрашивает Лейла.

– Шкаф подвинули, а тут вот это.

– Просто стена...

– Да нет! – подсказывает к стене прораб и начинает кулаком молотить в нее. – Слышите?.. Слышите?.. Пустой звук! Это кирпичами заложили.

– Ханым, – говорит один из рабочих, – я снаружи посмотрел...

– Со двора! – встывает прораб.

– ...там окно маленькое. Только грязное очень, ничего не видно.

– И что это может быть? – спрашивает Лейла. – Давайте посмотрим.

– Так и я говорю, давайте! А то мало ли... Сабир, тащи кувалду!

...Звуки ударов кувалдой разносятся по всему дому. Почти пустой дом болезненно вибрирует. Лейла стоит чуть в стороне, рядом с нею прораб; сняв кепку, он трет лысину платком. Кирпичи крошатся, кладка проседает и в конце концов с грохотом обваливается. Показывается крашеная коричневой половой краской простенькая дверь с глазком.

– А я что говорил! – машет руками прораб. Ловко прыгая по кирпичам на полу, он подскакивает к двери и стучит в нее костяшками пальцев. – Там какое-то помещение, Лейла-ханым! Ломать? Может, ключ есть?

– Я же вам всю связку отдала.

– Да! Да! Да! – картит прораб и, переложив папку из-под правой руки под левую, выуживает из кармана брюк внушительного размера связку ключей. – Сабир, посвети, посвети сюда!

Рабочий придвигает один светильников, направив его на проем в стене. Прораб цепляет на нос очки и начинает пробовать ключи, бормоча себе под нос:

– ... это не отсюда... это от верхнего этажа точно... это...это от решетки... этот

сейчас попробуем... ну-ка!

Он нагибается вниз, вглядывается в замочную скважину, отходит чуть в сторону, чтобы было больше света.

– Сейчас... – прораб вставляет ключ, разгибается, тянет дверную ручку на себя и с усилием поворачивает ключ в замке, успевая на ходу, вывернув голову, спросить у Лейлы: – А вы не знали про это?

Щелкает замок. Прораб толкает дверь, и она открывается. Яркий свет переносного прожектора выхватывает из мягкого сумрака помещение.

– Свет поближе сделайте! Несите сюда прожектор! – нетерпеливо кричит прораб и первым переступает порог. Кто-то из рабочих подтаскивает ближе прожектор. Лейла, балансируя, осторожно переступает через кирпичи на полу и подходит к дверному проему.

– Ничего себе! – восклицает прораб, сдвигая вельветовую кепку на затылок.

В довольно просторной комнате у одной стены, оклеенной выцветшими голубыми обоями, стоит диван, покрытый клетчатым пледом, у другой – железная кровать с тумбочкой. На стене над кроватью висит простенький ковер. В глубине на старомодной радиоле черно-белый телевизор. Полки с книгами. Прораб возвращается к проему, резко вырывает из рук рабочего прожектор и заносит его в комнату. Лейла заходит следом за ним, оглядывается.

– Смотрите, Лейла-ханым, тут и кухня имеется! Живи, не хочю! – откинув занавеску, разделяющую комнату на две части, он тычет пальцем в газовую плиту и раковину в углу за небольшим кухонным столиком. – Даже холодильник...

Лейла проходит в глубину комнаты. Рядом с диваном стоит платяной шкаф. Она осторожно открывает его. Висит женская одежда. Летняя, зимняя.

– И главное, – кричит ей прораб, проверяющий краны раковины, – чисто. Даже пыли почти нет!

Рабочие по одному заходят в комнату. С любопытством оглядываются, комментируют.

– Слушайте, – оборачивается Лейла к прорабу, – может, мы по ошибке в чужой дом вломилась? Ведь дверь же заложена была?

Прораб замирает на мгновение, потом снимает кепку, скребет лысину и вдруг снова оживает:

– Нет, нет, нет! Дверь тут только одна! Больше дверей нет! И потом, окно в ваш двор! Сабир же проверял... Са-бир! Ты проверял?

– Проверял, – медленно отвечает рабочий и показывает пальцем в занавешенные пол-окна почти под самым потолком. – Окно – вот это самое.

– И главное – чисто. И даже запаха почти нет, чувствуете, чувствуете? – задрал крючковатый нос вверх, прораб принюхивается. – Только чуть-чуть сыростью пахнет. Может, кто из ваших родственников жил? Бабушка, тетя какая-нибудь? А?

Лейла пожимает плечами.

– Не помните? Не слышали никогда?

– Зачем в подвал селить? Дом-то огромный, нашлось бы место наверху...

– Я разве спорю, ханым? – разводит руками прораб. – Может, просто был какой-то неприятный родственник. У меня вот тетка с отцовской стороны, я бы ее даже в гараже не поселил...

16. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

Сара медленно проходит в глубину комнаты к газовой плите за занавеской. Подслеповато наклонившись, включает газ. Газ шипит, она чиркает спичкой, осторожно подносит к конфорке, вспыхивают ровные голубые лепестки. Она ставит на огонь чайник и, шаркая, возвращается к столу под желтым абажуром.

В тарелке по-прежнему лежит нетронутым единственный эклер.

– Ты думаешь, у меня женихов не было? – спрашивает она в пустоту. – Были! Целых два!

Сара доходит до своего места и, ухватившись руками за стол, медленно садится.

– На самом деле, – продолжает она, – ходить мне легко. После смерти ничего не чувствуешь. Почти ничего. Легкость. Как будто ты в детстве, что ли. А хожу я так по привычке... Женихи были. Первого я даже покажу тебе. Он тут у меня в альбоме. И даже третьего могу показать. Сейчас...

Она раскрывает альбом с фотографиями, наклоняется над ним и начинает перекидывать толстые страницы. Наконец находит нужную. На старой фотографии большая гостиная дома. Возле камина на стульях сидит с десяток человек, среди них в середине – отец Сары. Большинство молодых людей в военной форме, фесках и с почти одинаковыми усами по тогдашней моде.

– Вот, посмотри сама, – она разворачивает альбом и указывает пальцем в одного из офицеров. – Справа. Второй с краю. Турецкий офицер! Они тогда все носили усы. Как у Энвера паши. Он первый и посватался. Как звали, уже не помню, зато помню, что было ему 28 лет. А мне 17. Жалко, видно его плохо. Небольшого роста такой. Но храбрый, подтянутый, молчаливый. Как из сказки – оловянный солдатик, – тихо смеется Сара, потом вздыхает. – Отец не отдал. Сказал, куда единственную дочь от себя отпущу? И не отпустил. С папой спорить было невозможно. А за солдатика этого, между прочим, сам Нури паша к папе просить ходил. Брат Энвера. Все равно не отдал. Упрямый был. Отказал вежливо, но твердо. Потом турки из Баку ушли.

Она медленно гладит сухой ладонью пожелтевшую фотокарточку.

– Солдатик... Что с ним стало? Где его убили? Поди, знай. Энвер паша с Нури пашой в Средней Азии сгинули. И этот, наверное, тоже с ними...

– А второй? – едва слышен из темноты голос Лейлы.

Сара поднимает голову. Оборачивается назад. Убирает седую прядь со лба.

– Второй? – сделав паузу, она закрывает альбом и, подперев щеку кулаком, произносит задумчиво: – Не знаю даже, стоит ли про него рассказывать.

На газовой плите начинает шуметь чайник.

– Не закипел еще?.. Что тебе рассказать про второго? – она задумывается, прядь опять падает ей на лицо. Вздыхает. – Второй был студент. Сейчас... Отец его у нас работал, в папиной конторе. Отец его отправил в Казань.

– Кого?

– Студента, конечно! Он был способный, как говорили, даже учился в гимназии на папины деньги. А когда закончил, его и еще пять человек папа отправил в Казань. Учиться на докторов. Вот. – Закипающий чайник долгим свистком оглашает комнату. Сара тяжело поднимается с места и идет в сторону кухоньки за ширмой, продолжая рассказывать. – В 1914-м началась война, потом революция. Он не доучился. Вернулся в 19-м обратно. Стал работать у отца. Но недолго. Я видела его мельком в конторе.

Сара наливает чай. Возвращается за стол с чашкой.

– ...куда-то пропал на несколько лет. А потом уже объявился в 23-м. Дом тогда уже у нас забрали, но оставили три комнаты на третьем этаже. Да, да... Мы же не сразу сюда попали. Оставили нам целых три комнаты. Правда, кухня на втором этаже стала общей. В дом въехали новые люди. Привезли кирпичи, поставили повсюду перегородки, делили комнаты, спали даже в коридорах. Повсюду бегали дети. Здесь, под лестницей, и во дворе даже завели кур, – смеется Сара. – Куры гадили на мраморный пол в прихожей, повсюду висело мокрое белье. Ругались, кричали. Русский мужик, слесарь Алексеев, фамилию помню – таскал в дом железный хлам, за деньги точил ножи и топоры. Весь день и полночи дом гудел, как улей. Спать было невоз-

можно. Такое здесь творилось! Пароходы национализировали. Папе дали небольшую пенсию. За то, что он когда-то помогал строить больницу и отправлял детей из бедных семей на учебу. На его пенсию мы четверо и жили.

– Четверо?

– Я, мама, папа и Гусейн. Мой брат. Он вернулся в 21-м. Весь больной, контуженый. Кричал по ночам. Когда он появился, на нем живого места не было. Голова бритая, в фурункулах, кожа на руках потрескалась от холода. Пришел ночью, в мокрой шинели без погон. Зато живой. Мы-то все думали, что он погиб... Так все живо помню! Закрою глаза – и все прямо передо мной...

Сара прикрывает глаза ладонью.

...Она легко, незамеченной, идет по коридорам дома, мимо суетящихся женщин, мимо бегающих детей, раздвигает мокрое белье, висящее тут и там, заглядывает в разделенные перегородками комнаты, где люди спят, едят, ругаются, заходит на общую кухню, завешенную тоскливым паром от готовящейся еды, мимо слесаря Алексеева с его точильным камнем, заходит в крайние по коридору комнаты, где на железной кровати под лоскутным одеялом спит молодой небритый человек, мимо женщины в келагаи, которая несет в стакане чай грузному усатому мужчине, сидящему с отсутствующим выражением лица за круглым столом. Невидимая никому, Сара останавливается за спиной мужчины, смотрит на него долгим взглядом, улыбается, потом опять начинает свое быстрое, ничем не обремененное движение.

– ...папа почти не выходил из дома. А когда выходил, возвращался как больной. Видеть все это было мучительно для него. Ну, это понятно. К нам никто почти не ходил. И мы ни к кому не ходили. А потом появился студент. Тот самый. Только он уже был не студент. Ему было уже лет 35. При новой власти он получил должность. Боролся с туберкулезом. Тогда туберкулеза было много. Но вел он себя с папой, как и раньше, с уважением, почтительно. По-другому с папой было и нельзя. Приносил продукты, газеты, рассказывал новости. Иногда обедал у нас. Приносил Гусейну лекарства. Он часто ездил по районам и привозил оттуда сыр, молоко, мед. Говорил: хорошее нельзя забывать. Вы обо мне позаботились, теперь я о вас. Папа вначале сердился, но потом привык. Ко всему ведь привыкаешь...

Сара убирает ладонь с лица.

17

Лейла проверяет сообщения на телефоне. Перед ней на полу закрытая коробка. Из подвала появляется прораб и опять начинает по-собачьи быстро отряхиваться.

– Говорю же, что ни делай – все равно испачкаешься!

Лейла пальцем прокручивает экран телефона, оборачивается к прорабу:

– Завтра ваш этот Фарман придет уже, наконец, или нет?

– Придет, придет, как же! – продолжает отряхиваться прораб так энергично, что с головы его слетает кепка. – Тьфу! – он поднимает с пола кепку и начинает ее трясти. – Фарман – профессионал. Свое дело знает. Начнет работать. Свет нужен! Как без него... вы завтра пойдете в контору? Чтобы счетчики поставили?

– Утром, – говорит Лейла, – из моей комнаты тоже можете все выносить. Я там закончила.

– Хорошо, хорошо! Я говорю, Лейла-ханым, – закончив, наконец, отряхиваться, подходит к ней прораб. – Эту комнату внизу, в подвале – пока оставим?

– В смысле?

– Как каптерку. Ребятам где-то переодеться, пообедать, а? Разобрать-то мы ее всегда успеем. Чего там делать-то? И потом на плане комнаты все равно, вроде, как бы и нет.

Лейла задумчиво смотрит на прораба.

– Рауф-муаллим сказал, чтобы вы сами решали, – вкрадчиво говорит прораб.

– Ну, хорошо, – пожимает она плечами. – Там видно будет.

Она поднимает коробку с пола. Прораб бросается ей помогать.

– Не надо. Нетяжелая.

– Как же, ханым, не женское это дело...

– Я же сказала – нетяжелая.

Лейла выходит из дома в распахнутые настежь входные двери. Узкая улочка перед домом пересечена длинными тенями. Напротив, у каменной ограды, развалилась рыжая кошка. Лениво щурится в лучах предзакатного солнца. У дверей дома припаркован большой грузовик. Из открытого кузова высовывается мебель, коробки, среди них суетится тощий рабочий в грязном комбинезоне, двое других подают наверх холодильник.

– Лейла-ханым, такси ваше подъехало! – кричит ей с порога прораб.

– Я его к нижнему садику вызвала.

– Правильно, правильно! Точно не нужно помочь?..

Лейла, не оборачиваясь, упрямо мотает головой и обходит грузовик с рабочими.

Идти недалеко, всего метров триста: завернуть за угол соседнего дома и немного спуститься к крошечному скверику, зажтому с трех сторон зданиями, но идти с коробкой на вытянутых руках неудобно – она закрывает обзор.

Солнце клонится за крыши. Лейла заметно устала. Она проходит всего несколько шагов, когда чувствует, как кто-то подхватывает коробку с другой стороны.

– Я же сказала... – восклицает она раздраженно и, наклонив голову набок, пытается рассмотреть того, кто тянет у нее из рук ее ношу.

– Давай помогу... – весело говорит Джавид. – Привет!

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает Лейла, не особенно обрадовавшись встрече.

– У меня же мастерская тут недалеко. Помнишь, я тебе говорил? Там...

– Да, да... – рассеянно отвечает Лейла и украдкой оборачивается назад: с порога дома, попыхивая сигареткой, на нее смотрит прораб. – И что? Рано закрылся сегодня?

– Ты в какую сторону?

– До садика внизу.

– А что там?

– Такси вызвала туда.

– А чего такси? Давай я тебя отвезу куда надо? У меня машина около мастерской.

Лейла не отвечает. Некоторое время они идут молча. Доходят до угла.

Начинает звонить мобильный телефон Лейлы. Она отвечает. У садика видно припаркованное такси.

– Да, вижу вас! Подхожу, – отвечает она и, дав отбой, убирает телефон в карман.

– Лейла, пожалуйста, дай мне просто высказаться! Ты не понимаешь...

– Ничего у нас не выйдет, Джавид, – спокойно отвечает она. – И, кстати, прекрати мне писать.

– Ты никогда не простишь меня, – упавшим голосом говорит Джавид.

Завидев Лейлу и Джавида с коробкой, водитель такси выбирается из машины и открывает багажник.

– Я не могу без тебя. Мне кажется, я с ума схожу... не могу ни жить, ни работать... – говорит Джавид с отчаянием.

Они подходят к такси.

18. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

– Джавид?.. А что Джавид?

Лейла запахивает полы халата. Встает из-за стола и медленно идет по подвальной комнате, рассеянно разглядывая вещи и книги на полках.

– Если рассказать кому-то, покажется смешным.

– Расскажи. Станет легче, – тихо отвечает ей голос невидимой Сары.

– Джавид. – Лейла засовывает руки в карманы халата. На ногах у нее теплые тапочки. Она подходит к стене с окном почти под самым потолком. Окно мутное. Чтобы заглянуть во двор, нужно встать на стул.

– ...в пятом классе написал мне записку. Глупость. Обычная школьная глупость. Я перестала с ним разговаривать. Совсем. Испугалась. А с другой стороны, что я должна была делать, спрашивается? Он оказался упрямым. На уроках не спускал с меня глаз. Я чувствовала затылком, как он смотрит на меня. Он смотрел, когда я выходила к доске, когда раскрывала портфель... А потом еще стал таскаться за мной следом. После школы. Каждый день. Доходил до садика внизу, а дальше я шла сама. А он стоял там. Провожал меня взглядом. И в дождь. И когда был ветер. Он провожал меня, даже когда болел. И все время молча. Все время без единого слова. Мы были как немые.

Лейла садится на скрипучую кушетку. Гладит покрывало.

– Почему я не говорила с ним? Как здесь дует по ногам! Зимой, должно быть, совсем холодно...

– Зато летом прохладно, – смеется голос.

– ...я не говорила с ним, потому что тоже была в него влюблена, и мне было ужасно неловко от этого. Мне казалось, что если просто заговорю с ним – все сразу поймут, что происходит. С балкона третьего этажа виден садик. Я уже заходила домой, а он все еще продолжал стоять там иногда. Я думала, это пройдет. Не проходило. Ни у него, ни у меня. Только становилось сильнее.

Лейла подтягивает ноги на кушетку.

Она стоит у окна закрытой балконной двери третьего этажа и смотрит из-за занавески, как в скверике, вписанном в небольшой подъём, стоит мальчик в синей куртке. Рядом с ним на асфальте портфель. Низко над сквериком висит пасмурное небо. Лежат опавшие листья. Мальчик стоит, засунув руки в карманы брюк. Вид у него независимый и одновременно жалкий.

Лейла сидит на кушетке, подобрав под себя ноги.

– Потом он начал снится мне. Вначале это были простые сны. А чем старше я становилась, тем сны становились... не знаю, как это выразить... я хотела, чтобы он поцеловал меня... и все это время я с ним даже не разговорила! Глупость какая!... Можно я лягу? Меня что-то знобит...

– Ты просто устала, девочка.

Лейла ложится на кушетку.

– ...все изменилось в последний год. Его как подменили. Он стал злобный, какой-то жестокий. Он издевался и унижал меня при всякой возможности. Как будто мстил. И я не понимала, что происходит...

– ...странно, мы же не разговаривали, и я его, считай, и не знала совсем. Но все время было такое чувство, что знаю. Знаю лучше всех. Такое теплое, родное чувство. Он так... не знаю, застрял во мне. Как заноза. Как заноза, от которой только ноет сердце. Заноза, которая почти не ранит, потому что постепенно растворяется и становится частью тебя.

Лейла приподнимается на кушетке и смотрит внимательно на пустой стул за столом, на котором стоит голубая чашка с остатками чая. Рядом розетка с вишневым вареньем.

– Он снился мне все время. Понимаете? И мальчиком из класса. И уже взрослым. В одном лице. И во сне все мои чувства становились в два раз сильнее. В три раза! Я иногда просыпалась среди ночи и лежала неподвижно рядом с мужем, не смея пошевелиться. Мне казалось, если он проснется – все сразу поймет. Увидит. Догадается. Мне было стыдно за себя.

Лейла встает с кушетки, поправляет покрывало, разглаживает его, подходит к столу и садится.

– Все-таки я очень долго любила его, – говорит она почти бесстрастно.

– Ну, а сейчас?...

За занавеской на кухне капает вода.

19

Над крышами старого города постепенно густеют розовые сумерки. Только что прошел быстрый весенний дождь. Уже вспыхивают фонари в глянцевых лужах. Небо после дождя почти чистое.

Лейла выбирается из такси. Поправляет сумку на плече и, задержавшись на мгновение перед дверью, закинув голову, скептически оглядывает темные окна особняка. В свинцовых окнах плывут отражения сумерек. Сверху вниз холодно глядят на нее привычно подпирающие балкон кариатиды.

Достав из сумки ключи, Лейла набирает номер на мобильном. В трубке слышится быстрая мелодия, а затем бодрый голос оператора сообщает, что телефон либо выключен, либо временно недоступен. Лейла дает отбой, набирает снова с тем же результатом. Она одна в пустом переулке. Лишь издалека, со стороны сквера, эхом доносятся голоса подростков.

Как и в первый раз, она долго возится с входным замком. Открыв парадную дверь, входит в дом. Нашупав на стене выключатель, щелкает им. Вспыхивают две яркие лампочки под потолком, освещая пустое помещение со стоящим в углу переносным светильником. Лампочки просто свисают на проводах из отверстий в потолке.

Лейла почти бесшумно подходит к лестнице. Но шаги ее – даже легкие и быстрые – все равно невольно нарушают нежилую тишину дома.

Чуть замешкавшись, она взбегаёт по ступеням наверх.

Щелкают выключатели на втором этаже, слышны шаги Лейлы вдоль коридора, открываются и закрываются двери комнат. Затем быстрые шаги становятся заметно глуше: очевидно, что она поднялась на этаж выше.

Затем на некоторое время наступает тишина. Тишина длится недолго. Как музыкальная пауза. Затем издалека снова слышны шаги Лейлы и звуки ее голоса. Она говорит с кем-то, но слов сначала не разобрать.

За окнами фойе молочные сумерки уже сменились темнотой. Шаги ее и голос становятся громче, когда она начинает спускаться по лестнице.

– ...да... да... только свет... сказал, что будут до восьми – половины девятого...

Она спускается в фойе, держа на ладони телефон, говорит по громкой связи.

– ...я же тебе говорю, я приехала минут 15 назад... никого нет. Поднялась наверх... ничего не сделано. Только свет включили.

– ...может, в подвале что-то делали, – отвечает Рауф. – Откуда я знаю. Ты не торопи их пока. Только же начали...

– Я не тороплю. Но он же сказал, что привезут сегодня материал... трубы для линий... я ему звоню, у него выключен телефон.

Лейла стоит в центре пустого фойе.

– Внизу смотрела? Они же там должны были начать. Как это называется...?

– Бойлерная комната.

– Котельная!

– Сейчас...

Продолжая говорить с Рауфом по телефону, Лейла направляется к входу, ведущему в служебные помещения и подвал.

– ...я ему, конечно, позвоню, но ты тоже сразу не начинай паниковать. Через неделю-две станет ясно...

– Ты же сам говорил, что у них над головой стоять нужно...

– А кто спорит... Ты еще там?

– Иду в подвал.

– Слушай, а ты не боишься там одна?

– А чего мне бояться в собственном доме?

– А в детстве боялась...

– Я сейчас уже ничего не боюсь. После Эльмана и его мамы.

Она проходит коридор, ведущий к складу, спускается по ступенькам, везде включая свет.

– Он, кстати, звонил.

– Прораб? Когда?

– Эльман.

– И что?

– Жаловался на тебя, – Рауф заминается. – Голос стал поднимать, наезжать начал. Я его быстро привел в чувство. Извинился. Просил с тобой поговорить.

– Считай, что поговорил, – отрезает Лейла.

– Все равно, что-то надо решать. Так не годится.

– Я разберусь, Рауф. Не беспокойся.

Она проходит склад, заглядывает в старую котельную, где тоже не видно никаких следов работы.

– Что значит «не беспокойся»? Ты сама понимаешь...

– Слушай, я здесь в котельной – тут тоже ничего не тронут. Как было, так и есть.

– Лейла...!

Она выходит из котельной и доходит до пролома в стене. Толкает дверь. Включает свет. Комната, как и раньше, выглядит чисто и прибрано. Застеленная кушетка. Круглый стол, покрытый выцветшей клеенкой. Диван. Полуоткрытая занавеска, за которой маленькая кухонька. Не слушая Рауфа, Лейла осторожно заходит в комнату.

– ... ты же должна это понимать...

– Слушай, ты говоришь, у Соны спросить?

– Какой Соны? Насчет чего?

– Да я насчет этой комнаты странной. В подвале. Думаешь, она будет помнить?

– Лейла! – раздраженно бросает Рауф. – Я с тобой о серьезных вещах говорю!

– А это что, по-твоему, – несерьезно? Кто здесь жил? Зачем дверь заложили? Соне 83? 84? Она меня уже, наверное, не узнает...

– Ты за нее не беспокойся! Пойди, как раз и навести. Заодно и спросишь.

Лейла подходит к столу, оглядывается.

– А ты сам не помнишь? Чтоб здесь кто-нибудь жил?

– Не знаю, Лейла. Мать все время каких-то родственников в дом таскала.

Лампочка в желтом абажуре вдруг начинает искрить, словно скакнуло напряжение, потом резко мутнеет, становится почти карамельной и гаснет. Свет гаснет во всем доме. Лейла остается в кромешной тьме, она быстро проводит пальцем по телефону, оживляя экран.

– Тьфу...! Я так и знала...

– Что?

– Свет вырубился! Представляешь? Этот его хваленый электрик... чтоб его!

– Ладно, выходи уже отсюда...

Направив свет телефона перед собой, Лейла торопливо идет к двери, спотыкается о ножку стула, телефон вылетает у нее из руки, и она, упав на одно колено, наступает на него в темноте. Экран гаснет.

Лейла оказывается в полной темноте. Она стоит, вытянув перед собой руки, почти не двигается, ощупывая перед собой пространство, словно слепая. И тут становится очевидно, что старый дом весь полон каких-то звуков. Над головой скрипят половицы, из открытых дверей с подвыванием тянут сквозняки.

– Мамочки! – сипло выдавливает из себя Лейла, парализованная страхом. Она продолжает стоять, вода перед собой руками. – Рауф?..

– Не бойся, девочка, – шепотом говорит из-за ее спины Сара. Голос Сары почти неотличим от шелеста ветра, от шорохов вокруг. Лейла резко оборачивается, словно слышит ее.

– Кто здесь?

В ответ продолжает поскрипывать и шуметь старый особняк.

Сара стоит у нее за спиной.

Лейла наконец делает первый шаг вперед. Глаза ее уже немного привыкли к темноте. Маленькими шажками, вытянув руки, она движется к выходу из комнаты.

– Ничего, девочка, – шепчет ей в спину Сара. – Просто старый дом...

Голос Сары звучит успокаивающе. Лейла продолжает медленно идти наощупь.

– ...просто старый дом! Иди, не бойся ...от подвала до чердака, – шепчет ей Сара. – Всегда шумит. Особенно зимой. Чего тут бояться-то? Тебя здесь никто не обидит...

20. (квартира брата)

В открытую балконную дверь, прикрытую легкой занавеской, слышен ровный звук утреннего трафика. Длинный поток машин сверкает на солнце почти такой же серебряной рябью, как и море на набережной, кусочек которой виден с верхнего этажа новостройки. Лейла, уже одетая для занятий в тренажерном зале, стоит в балконном проеме и допивает кофе.

– Доброе утро! – окликает ее вошедшая в комнату Мелек. – Опять бегать?

Лейла оборачивается:

– Доброе!

– И охота тебе в такую рань? Поспала бы... За детьми смотреть не надо, на работу не надо. Стройка и без тебя обойдется...

Кажется, что Мелек говорит вполне нейтрально. Улыбаясь, поправляет поясok шелкового халата, накинутого поверх ночной рубашки. Лейла возвращается на кухню и, выплеснув остатки кофе в раковину, моет свою чашку.

– Да оставь, Зибейда придет через час и помоешь, – зеваешь Мелек. – Сейчас все равно куча посуды будет.

Лейла ставит чашку на сушилку.

– Как там дети? – потягивается Мелек. Закипает и отключается чайник. Мелек опять зеваешь. – Никак не проснись. Все время усталость какая-то...

– Может, железа не хватает?

– Да пью. В таблетках. Уже месяц как. И витамин «D», не помогает! Надо пойти кровь сдать...

– Надо, – бросает Лейла и снимает телефон с зарядки. По инерции проверяет мессенджер. Статус показывает, что дочь в сети. Лейла сразу нажимает пальцем на кнопку звонка, слышны вызывные гудки, через секунду зеленый огонек статуса гаснет: дочь выходит из сети.

– Ренке звонишь? – спрашивает Мелек. – Я, кстати, с ней вчера говорила...

21

Когда Лейла выходит из тренажерного зала, утро уже в полном разгаре. На ходу застегивая легкую куртку, она спешит к пешеходному переходу. Ее окликают.

Выйдя из тени здания, к ней быстро подходит Джавид.

– Привет! – говорит он как ни в чем не бывало. – Тебе в какую сторону?

– Ты чего здесь делаешь?

В мерцающем весеннем свете, без косметики, с собранными в пучок на затылке волосами, Лейла выглядит почти девчонкой.

– Был здесь недалеко. По делам, – говорит он, совершенно не стараясь убедить.

– Не ври, Джавид. Хватит. И прекрати уже за мной таскаться. Сколько можно просить?

– Можно я подвезу тебя?

– Нет! – качает головой Лейла. – Ни к чему... Езжай домой или куда ты там шел. Прямо прохожу от тебя нет!

– Со школы за тобой таскаюсь.

– Вот именно! Не надоело? Как ты вообще узнал, что я здесь? Следил, что ли? Джавид нервно достает пачку сигарет и опять сует ее в карман куртки.

– Пожалуйста, Лейла... Просто подвезу. Обещаю – не буду больше за тобой ходить. Мне просто очень надо сказать тебе кое-что...

– Опять?

22

Он опускает свое водительское стекло, засовывает в рот сигарету.

– Не кури, пожалуйста, от меня потом пахнуть будет. – Лейла держит перед собой на коленях спортивную сумку. – Мне в Крепость, к дому. Только остановишься внизу, ладно? Еще до садика, на перекрестке. Незачем, чтобы нас с тобой видели.

Он запускает мотор и, пропустив несколько машин, резко вписывается в поток. Некоторое время они едут молча. Из раскрытого окна тянет запахом моря и цветущих деревьев. Сигналят машины. Движение плотное, нервное.

– Лейла... – прерывает он наконец затянувшееся молчанье.

– Да.

– Лейла...

Джавид никак не может начать разговор. Нервно откашливается.

– Ну, говори?

– Я твердо решил уйти от нее, – говорит он, не спуская глаз с дороги.

– От жены?.. Уходи. – пожимает она плечами. – А я тут при чем? Надеюсь, ты от нее не ко мне собрался? Я тебя не приглашала, между прочим.

Джавид поворачивается к ней:

– Неужели ты не понимаешь?..

– Чего не понимаю?

– Я всю жизнь только тебя и любил! Никого больше, понимаешь? Говорю, что есть. Лейла молчит.

– Я хочу сказать, что за все эти годы мои чувства никуда не делись.

– Ты мне уже писал об этом. – Лейла опускает сумку себе под ноги.

– Тебе все равно?

– Нет. Но это не имеет никакого значения.

– Почему?.. Ну, почему? Я знаю... – запинаясь он, – ... я чувствую, что ты меня тоже любишь... разве нет...? Я и тогда, в школе, это знал. Не спрашивай, как, просто знал!

В голосе его проскальзывают нотки отчаянья. Перед мысленным взором Лейлы на мгновение возникает мальчик с портфелем перед облетевшим по осени сквериком внизу.

– Послушай, – мягко прерывает она его. В первый раз с тех пор, как они сели в машину, она поворачивается к Джавиду, – ну послушай меня, все это... как тебе это сказать – слишком уж сложно. Сложно. Слишком проблематично. Ну, ты же сам все понимаешь. У нас разная жизнь. Так уж вышло, Джавид. Наверное – несправедливо, но так, как есть. У меня дети в Америке, у тебя жена – зубной врач. Ты хороший художник...

– Да какой я теперь, к черту, художник! – взрывается Джавид. – Все, кончился давно! Я больше никто, пустое место! Ты видела мою мастерскую? И не надо туда ходить! Больше нет мастерской. Теперь это лавка для туристов в Крепости! Слышишь, Лейла? Я каждый день отпираю эту лавку, а потом стою там и втюхиваю туристам китайские сувениры... Это она превратила меня в лавочника!.. Лейла, мы можем начать все...

В этот момент сзади раздается сильный звук удара, машину резко бросает вперед, и она въезжает в стоящий перед ней автомобиль. Побледневший Джавид по инерции жмет на тормоза и на сигнал одновременно.

23

Они идут от склада через коридор к черному выходу во двор. Прораб, чуть прыгивая, отчаянно жестикулирует, то и дело нервно поправляя вельветовую кепку.

– ...вы говорите – свет. Свет – это мелочь... две минуты починить...

– Какая же это мелочь? Все вырубилось, я осталось в крошечной темноте...

– Со всем уважением, Лейла-ханым, сами же видите – свет горит!

– Я, получается, обманываю?

– Не дай бог, я так не говорил... но сейчас же все горит.

– Тогда что было вчера? Это ваш профессионал-электрик?

– Фарман – номер один! Знаю, что говорю...! Вы еще сами увидите, в этом городе второго такого нет. Есть еще дядя Миша с 20-го участка, но ему 80 лет...

Они доходят до двери.

– ...говорю вам, свет – это мелочь, – прораб толкает плечом железную дверь, она раскрывается со скрипом, – у нас тут проблема посерьезнее.

Он придерживает дверь, Лейла выходит в узкий двор-колодец с покосившимся деревянным сарайчиком. Над двором – бирюзовое небо с единственным облачком. Солнечный день, но в колодце всегда полумрак. По углам среди полуживых сорняков грязными кучками валяется пестрый мусор. У стены напротив разросся вонючка-айлант. Двор выглядит неопрятным.

Лейла все в той же легкой куртке, невольно ежится. Несмотря на солнце, здесь прохладно.

Прораб подходит к стене дома и без слов показывает обеими руками на широкую трещину, которая начинается от земли и ползет вверх до самой крыши. Вокруг валяются куски каменной облицовки. Он то подбегает вплотную к стене, просовывает короткие пальцы в наиболее заметные участки трещины, то отбегает в сторону и, заломив кепку назад, молча разглядывает ее, уткнув руки в бока.

– Ее же не было раньше? – спрашивает Лейла. Трещина выглядит неприятно. Как разрыв. Прораб разводит руками, а затем, сорвавшись с места, подбирает с земли крупный кусок камня и подбегает к ней.

– А я что говорю! Свежая! Посмотрите сами... – он сует под нос Лейле камень. – Видите? Вчера поползла.

– Когда вчера?

– А я знаю? – прораб швыряет камень в сторону. – Три пальца лезет! Мое везение!

Лейла подходит ближе к стене. У самой земли видно пол-окна подвальной комнаты. Трещина обходит дугой окно и тянется вверх.

– Да вы не подходите близко! Что вы, Лейла-ханым, облицовка в любой момент оторваться может... не дай бог! Главное, если бы бетон, полдела. Мы бы вдоль стены сделали траншею, прошлись бы шпателем, потом загрузили бы, забили бы анкера... а тут – даже не знаю пока, что делать. Сваями укрепить... но трещина слишком большая... дом, считай, аварийный.

– Но не было же трещины! – теряя хладнокровие, говорит Лейла. – С чего вдруг?

– Да я откуда знаю? – разводит руками прораб. – Осадку дал. Может, вода размыла. Может легкое землетрясение было... кто может сказать? А скорее всего, трещина и раньше была, просто расползлась теперь.

– И что теперь делать?

– Сваи вбивать надо. Я уже Рауф-муаллиму сказал. До понедельника придется ждать.

– Почему до понедельника?

– Я позвонил тут нескольким спецам. Договорились на понедельник.

Сложив руки на груди, Лейла беспомощно разглядывает черную трещину.

– Эх! – стаскивает с головы кепку прораб. – Пропал дом!

24

Лейла поднимается по узкой, мощеной бульжником улице, пропустив машину, сворачивает в переулок и выходит на Малую Крепостную. Шаги ее по-прежнему быстрые, уверенные, как у привычного к ходьбе человека, но в них нет больше прежней легкости. Лейла идет, опустив голову, придерживая спортивную сумку, свисающую с плеча, почти не глядя по сторонам. Каждая трещина в асфальте, в каменной кладке старой крепостной стены напоминают ей о расколовшейся стене дома.

Лейла выходит к станции метро «Баксовет». Уже по-весеннему цветет Губернаторский сад, и уже по-весеннему много людей на улицах: ей то и дело приходится маневрировать среди медленных прохожих. Дождавшись в толпе зеленого света светофора, она перебегает на противоположную сторону и мимо автобусной остановки, мимо посольства идет к памятнику Ахундову. Там на углу – кондитерская.

25

– Это с орехами? – Лейла показывает пальцем на пирожные за стеклом.

– Да. Есть и с миндалем. Положить?

– Да. Три.

– С миндалем или с орехами?

– С миндалем. А это у вас штрудель?

– Тоже положить?

– И эклеров.

– Тоже по три?

– Эклеров пять. Нет, давайте – шесть.

Продавщица складывает пирожные в коробку.

– У вас карточкой платить можно?

С нарядной коробкой в руках Лейла ловит на углу такси.

– Ой, моя красавица! – обнимает Лейлу некрасивая женщина лет пятидесяти. У женщины длинное лицо. Она несколько раз смачно целует Лейлу в щеку. – Сколько лет тебя не видела! Проходи, проходи!

Лейла и женщина проходят в большую, набитую мебелью комнату. Лейла ставит коробку с пирожными на стол.

– Мама, – почти кричит хозяйка дома, обращаясь к пожилой женщине, сидящей в кресле перед включенным телевизором, – ты только посмотри, кто пришел!... Лейла!

Пожилая женщина, растерянно улыбаясь, поворачивает голову к Лейле. В ушах у нее слуховой аппарат.

– Помнишь Лейлу? Дяди Назима дочка...

Лейла наклоняется к старушке и целует ее в щеку:

– Тетя Сона, узнали?

Понизив голос, хозяйка дома говорит Лейле вполголоса:

– Ты не обращай внимания, она почти не узнает никого уже. Старая, да!

Старушка пристально разглядывает Лейлу:

– Как я по тебе соскучилась! Чего ты не заходишь? С того раза так и не заходишь.

– С какого, тетя?

– Не обращай внимания, – повторяет хозяйка. – Ты садись, садись, я сейчас поставлю чайник. Или, может, я тебя покормлю лучше, а? Как раньше? Хороший рис я сделала, с тыквой и бараниной... Давай, а? Давай, моя красавица! Отощала ты в своей Америке! Одни кости! Куда ты худеешь!

– Вообще-то я с утра ничего не ела, – легко соглашается Лейла.

– Покорми, покорми, девочка со школы пришла, – улыбается старушка в кресле.

Лейла подтаскивает стул и садится рядом.

– Как ты, тетя? – спрашивает Лейла громко.

– Хорошо! – кивает старушка. – Ноги иногда побаливают.

Наклонившись вперед, сообщает:

– Пучит иногда. Уже второй день в туалет не хожу.

– А чего ты детей не взяла? – кричит из кухни хозяйка дома. – Уже большие...

– У них школа! – кричит ей в ответ Лейла.

– Чьих детей? – спрашивает удивленно старушка.

– Моих, тетя, у меня две девочки, помнишь их?

Старушка удивленно смотрит на Лейлу:

– Вечно ты меня разыгрываешь! Какие дети? Ты в какой класс перешла?.. Седьмой? Вот расскажу я Назиму, как ты шутишь надо мной.

– Мама, – кричит из кухни хозяйка, – дядя Назим умер давно, пять лет назад умер...

– Умер? Глупости какие. У нее с головой не все в порядке, – наклоняется она к Лейле. – На нее внимания не обращай. Как муж от нее ушел – у нее с головой стало что-то не то. Я с Назимом утром говорила. Ага! Он собирается дом ремонтировать. Сказал, чтобы ты у нас осталась, пока ремонт идет.

– Лейлуша, – окликает ее из кухни хозяйка, – я сейчас тебе еще компота кизилового налью. Такая прелесть!

– Назим обещал, как ремонт закончит – все в ваш дом переедем. Помнишь, как раньше? Что в этих четырех стенах сидеть? Это разве дом?

– Слушай, ты спроси лучше у мамы, прошлое она помнит неплохо, вот новое забывает... У вас там столько народу жило. Твоя мать всех родственников в дом таскала, – тихо говорит хозяйка. – Я уберу со стола? Как тебе рис с тыквой, правда, вкусно?

– Очень! Спасибо, Самира, у меня уже от голода голова кружилась. Давай я тебе помогу...

– Сиди, сиди, сиди! Сейчас чай пить будем. Ты вот лучше маму развлекай, а то она тут целыми днями скучает.

– Ничего я не скучаю, не болтай! Ко мне каждый день гости ходят. Навещают. Назим заходит, – перечисляет она, – Вюсаля, Сакина-ханым...

– Всех покойников вспомнила? – возмущается Самира.

– ...даже дворник наш заходил – Яша, молоканин...

– Умоляю тебя, – прыскает Самира, – только дворника Яши нам не хватало... Мама, Яша двадцать лет назад от цирроза умер! Еще в старом дворе...

Старушка заговорщически подмигивает Лейле и стучит пальцем по виску. Вздыхает:

– Жалко ее. Без мужика совсем тронулась...

– Э-э-э...! Мама! Сама видишь, да! – поворачивается Самира к Лейле, продолжая собирать тарелки на поднос.

Лейла пересаживается поближе к старушке.

– Ты моя красавица! Дай бог, хорошего мужа найдешь... Ты в седьмом или восьмом классе? Все время забываю! Старая стала твоя тетя Сона.

– В пятом, мама! – смеется Самира.

– Над собой издевайся! В пятом! В пятом у нее косички были...

– Тетя, – спрашивает Лейла, – ты помнишь, в нашем доме рядом с кладовкой была комната?

– Комната?

– Ты кладовку нашу помнишь?

– Конечно.

– Там сбоку дверь.

– Ну, знаю. Квартирантка жила там.

– Квартирантка? Что за квартирантка? А почему я ее не помню? И Рауф?

– Ты маленькая, потому и не помнишь. Она все время там жила. Назим не любит, когда ее беспокоят. Ты думаешь, чего тебя в кладовку не пускали? – смеется Сона. – Чтоб не беспокоила. Женщина тихая, ее не слышно и не видно. Как мышь.

– А звали ее как?

Возвращается Самира и ставит на стол коробку с пирожными, открывает ее.

– Ой, куда столько! И эклеры!.. Твои любимые эклеры! Видишь, что Лейла принесла!

– Терпеть не могу эклеры, – качает головой старушка.

– С каких это пор? С ума сошла!

– Сама с ума сошла. Не люблю эклеры.

– Конечно! – с сарказмом бросает Самира. – Любишь или не любишь – больше одного тебе нельзя, ясно? Только один.

– У нее сахар запредельный... – объясняет она Лейле. – Слышишь, мама? Только один!

– Терпеть не могу эклеров.

Самира идет на кухню за чаем.

– Тетя... – на столе начинает вибрировать телефон Лейлы. Она смотрит на экран и поднимает трубку. Говорит с Мелек.

– ...я у Соны. Да... На Ясамале. Не знаю пока, а что? Что за гости? Поняла... Постараюсь к восьми тогда. К восьми нормально? Говорю – постараюсь. Что-нибудь взять?

Лейла дает отбой.

– Сейчас чай уже будет! – кричит из кухни Самира.

Старушка делает знак рукой Лейле, чтобы она наклонилась поближе.

– Смотри! – говорит она шепотом, показывая на что-то, завернутое в салфетку, у себя на коленях под столом.

– Что это, тетя?

Старушка разворачивает салфетку: три эклера из коробки.

– Один тебе, один мне, а один отнесешь квартирантке. Жалко ее, – сморщила она лицо, – всю жизнь в подвале живет – не видно ее и не слышно. Пусть порадует! Только смотри, не говори с ней! Отдай и уходи сразу!

– Почему, тетя?

– Чужая судьба вещь заразная. Особенно – плохая. Как грипп. Станешь с ней разговаривать – и на тебя перейдет...

28. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

– Я любила эклеры, – Сара рассматривает пирожное на тарелке. – Когда эклер хороший, укусишь его – как сладкое облако на языке.

– Скажи ей спасибо от меня. Скажи, Сара благодарит. – Она продолжает поворачивать тарелку вокруг своей оси, любуясь эклером, затем вдруг вскидывает голову. – Нет. Лучше не говори ей ничего. Я сама когда-нибудь, при встрече...

Полусумрак за пределами карамельного круга, очерченного светом абажура над столом, отвечает ей ритмичным звуком капающей воды.

– ...на чем я остановилась? Ах, да! На женихе номер два, – смеется Сара. – Ну вот, он ходил. Несколько месяцев. Время было тяжелое и без его помощи нам было бы еще тяжелей. Он даже работу мне нашел. Да! В типографии. Тогда много переводили европейских писателей, статьи всякие. Я знала французский, знала немецкий. Могла и с английского, если надо. Ходила раз в неделю в типографию. Мне давали заказ, я переводила. Платили мало. Ходила, между прочим, тайком от папы. Он, бедный, делал вид, что не знает, что мы с мамой готовим на общей кухне. Они тогда оборудовали общую кухню на втором этаже. Что готовим поздно вечером, когда на кухне меньше народу, и быстро. Люди в дом въехали разные. Были и хорошие. Но не любили они нас все одинаково.

– Почему?

– Как почему? Это был наш дом. Все они жили в нашем доме. Своим присутствием мы все время им об этом напоминали. Мы старались вести себя тихо, но им было этого мало. Только отец, когда выходил, шел так в своем шерстяном пальто и старомодных штиблетах, как будто и мраморная лестница, и пароходы все еще принадлежат ему. При виде него они замолкали. Алексеев переставал крутить свое точильное колесо в фойе. Но выходил он редко. Потом еще реже. У него отекали ноги. А нас с мамой травили на кухне. Мы боялись говорить об этом дома. Гусейн мог услышать. Он был бешеный... Вот он...

Она раскрывает альбом, перекидывает несколько страниц: Гусейн смотрит из-под заломленной назад папахи черными, как уголь, глазами прямо в камеру, под буркой видна форма кавалериста. Лицо у него худое, гладко выбритое, дерзкое.

– 1915-й, перед тем как их с конной дивизией отправили в Карпаты, на Австро-Венгерский фронт. Там его ранили в первый раз. Такой он был... ...отвлекаюсь я! Так нам и всей ночи не хватит, – говорит Сара, качая головой. – Что было дальше? Отец заболел. Лежал два дня, посинел весь. Ноги распухли ужасно. Этот мой жених номер

два... жених... привел доктора. Вначале мусульманина. Потом еще и русского. Лекарств было не достать. Достал и лекарства. Он тогда уже пошел на повышение и иногда приезжал на служебной машине. «Паккард», кажется. Папе стало легче. Он даже стал вставать, ходил вокруг стола, опираясь или на маму, или на меня. Как-то в начале зимы я вышла в типографию, вернулась через полтора часа – вижу, его машина с шофером у дома, поднялась, а дома скандал: Гусейн как будто сошел с ума! Сам тощий, одни глаза на лице, желтый от своей контузии – за шиворот тащит жениха моего в коридор. А жених-то мой к тому времени уже не худым студентом, уже при должности, лицо лоснящееся, но разве с Гусейном справишься? На нем, как сейчас помню, на одной руке отец мой висит, на другой – мать, а он все равно тащит и их, а главное – за шиворот жениха моего, и выбрасывает его из квартиры! Вот такой был сумасшедший брат мой... Кавалерист!..

– А как жениха звали?

Сара хитро прищуривается, молчит какое-то время.

– Да что сейчас вспоминать! Давно это было. Жених и жених. У меня где-то даже фото его было. Но уже нет. Пропало... А с чего у них скандал вышел-то... Жених в тот день свататься приходил. Вот! Сладости принес. Знал, что меня дома не будет. Отец ему отказал. Все были для его дочери нехороши. Такой уж он был человек. Жених мой обиделся, раскричался. Сказал, что если б не он, мы бы все давно с голodu умерли или пересадили бы нас как эксплуататоров и врагов. Всякое такое обидное. Гусейн у себя спал. Он вообще после контузии все время спал. Хорошо – не убил ... через два дня его арестовали.

– Кого?

– Брата. Сказали, что с оружием в руках воевал против Советской власти. В квартире обыск сделали. Отнесла в типографию перевод статьи из медицинского журнала, не заплатили. Сказали, чтобы больше не ходила. Выгнали, короче говоря. Отец опять слег. Я побежала за докторами. Искала лекарства. С мамой пытались что-то по соседям из вещей продать. Суда над Гусейном еще не было, и через две недели я пошла к своему жениху. Просить. И маме не сказала. Что еще оставалось? Пошла к нему в контору. На Щорса. Он меня не принял. Стояла весь день, ждала, когда поживится.

Был февраль месяц. Холодно. Внутри красноармеец дежурил с ружьем. Ноги у меня ооченели. Уже стемнело. Он появился наконец. С портфелем, в кожаном плаще. В фуражке. Я бросилась к нему, от холода лицо свело, еле языком ворочаю, говорю, мол, на все согласна! Помоги Гусейну! Хоть замуж, хоть так... А он руку вырвал, так презрительно на меня посмотрел и говорит: «Вы, девушка, не по адресу обращаетесь. Врагами у нас специальные органы занимаются. Идите отсюда». Тут еще и красноармеец с ружьем выскочил. ...Когда я уже к дому подходила, пошел снег.

...Легкий, пушистый снег заметает темный переулок перед домом. В окнах едва теплится оранжевый свет от керосиновых ламп. Горит лишь один уличный фонарь в самой глубине переулочка. Его раскачивает ветер, несущий косо летящий голубоватый снег. Под балконом стоит Сара в пальто, глядит вверх, снежинки виснут у нее на мокрых ресницах. Ни прохожих, ни машин.

– ...только я одна. А у кариатид моих лица каменные, спокойные. Ни февраль, ни снег им нипочем. Но только я-то знала – они плачут вместе со мной. Просто виду не показывают.

Вздыхает Сара.

– ...оказывается, пока я жениха своего у конторы ждала, умер папа. Так и остались мы с мамой одни.

– Гусейна... расстреляли?

– Да нет. Сжалились. Дали только 10 лет лагерей. Но я думаю, он почти сразу умер. Большой был. Да и с характером его. Куда ему в лагерях выжить было. В 61-м году я сделала запрос. Долго ответа ждала. Прислали выписку из дела. Так, мол, и так, умер от естественных причин. Просила, чтобы реабилитировали. Отказали. Он-то и вправду против них воевал. Что говорить?.. ..только папу похоронили, пришли из конторы нас с мамой выселять из трех комнат. Вначале дали комнату на первом этаже. Комната налево от лестницы. Сейчас ее нет уже. А тогда везде перегородки стояли. Везде наделали маленьких комнатушек. В этой комнате до нас с женой жил горский еврей – бухгалтер из «Баккоммуны». Незлой был человек. Съехал куда-то. Мы вещи с мамой перетащили, что не смогли взять – продали, раздали, бросили. Перевивались кое-как. А уже летом в наши комнаты наверху въехал мой жених.

– Ничего себе!

– Ага! – смеется Сара. – С женой, с тещей, с ее родственниками, с племянниками. Жениться успел. Недолго переживал.

– Скотина!

– Да нет, девочка! Это хорошо, что он вовремя переехал!...

– Почему?

– А нас как раз с мамой опять выселить решили. Провели собрание, бумагу написали. У нас на руках уже решение было. Тут если бы не он – выкинули бы нас со всем. Не позволил. Вмешался. Уж не знаю, что он там им сказал, что сделал, но нас, считай, не тронули.

– Совість замучила!..

– Все может быть. Так вот, выделили нам эту комнату в подвале. Здесь раньше уголь хранили для отопления. Все было черное, как в чернильнице. Ничего. Мы комнату поскребли, вымыли, побелили, как могли, стали жить. Он и в типографии за меня слово замолвил. Снова стала переводить. Хоть какие-то заработки. А тут он и сам монографии мне свои носить начал.

– Что за монографии?

– Он в Комиссариате здравоохранения туберкулез курировал.

– Ой, дедушка мой тоже фтизиатром был! Может, я знаю его?

– Дедушка? Да нет, не думаю! Туберкулезом тогда много кто занимался. Болезнь бедноты, так это называют. Была большая проблема, – качает головой Сара. – Ты его не знаешь. Да если бы и знала? Что уж теперь... Умер он давно. ...Так вот, писать самому времени у него не было, да и писал-то он не очень – ученье он ведь так свое и не закончил. Вот я за него и писала. А он мне платил. Набросает тезисов, приложит аккуратно статью из иностранного журнала и под дверь мне просунет. Я посмотрю, подумаю и пишу. Закончу – рукопись ему в почтовый ящик. А через месяц или два, как монография выйдет, он мне один экземпляр и деньги под дверь. По-другому не общались... Если и встречались где, даже не здоровались. Иногда только кивал мне издали.

– Не понимаю...

– Что ж непонятного? Говорить он со мной не хотел! Не хотел и все! Наверное, и боялся к тому же. Ведь мы тогда с мамой как заразные были. Эксплуататоры. Враги... Но если бы не эти его книжки про туберкулез, как бы мы выжили? Особенно в первые годы. Благодарна ему за это. Так он доктором наук стал, профессором, академиком...

– Скотина он настоящая!

– Время такое было. Ужасное. Зато я на машинке выучилась печатать! Я про туберкулез знаю лучше любого врача! – опять тихо смеется Сара и замолкает задумчиво. – ...Знаешь, девочка, нет ничего хуже страха. Самый горький яд. Самый мерзкий.

Водитель такси украдкой поглядывает на Лейлу в зеркало. Не обращая внимания ни на него, ни на мелькающие за окнами автомобиля неоновые витрины и пеструю городскую подсветку, она просматривает на телефоне мессенджер.

Дверь ей открывает Мелек.

– Девушка, вы где гуляете? – с напускной игривостью спрашивает она. – Мы вас уже целый час ждем!

Лейла опускает спортивную сумку на пол в прихожей и, присев на небольшой диванчик, расшнуровывает обувь:

– Я поехала к Соне.

– Ты как с утра в свой тренажерный ушла – даже еще не переоделась! Ты хоть ела?

– Да, Самира покормила меня. А кто там? – спрашивает Лейла, кивая в сторону закрытых дверей. – Переодеться?..

– Не надо, ты у нас в любом виде красавица, – снисходительно отвечает Мелек. – Помнишь Зюмрюд? Племянницу мою? Светленькая такая девочка, ты ее видела в прошлый раз на юбилее Рауфа.

– Помню, конечно.

– Это ее двоюродная сестра. Очень хочет с тобой познакомиться! Тоже очень хорошая девочка. Зубной врач, такая милая.

– А Рауф дома?

– Нет, у него дела какие-то. На один день в Губу уехал. Ну, давай, пойдем уже, неудобно! – торопит ее Мелек. – У нас шоколадный торт отличный. С вишней...

Мелек открывает двери в столовую.

– А вот и Лейла!

За накрытым к чаю столом сидят две женщины с каменными лицами. Та, что постарше, буравит Лейлу взглядом, оглядывая ее с ног до головы. Вторая, возраста Лейлы, с осветленными волосами, почти не поднимая глаз, нервно ковыряется чайной ложкой в тарелке с недоеденным тортом.

– Добрый вечер! – говорит Лейла, присаживаясь к столу.

– Добрый вечер! – отвечает старшая с неожиданным сарказмом.

– Сейчас, Лейлуша, я тебе чай принесу! – почти елейно говорит Мелек. – Это, Лейлуша, Амина-ханым – тетя Зюмрюд, а это Сабиночка. Амина-ханым, вам тоже свежего налью?

– Нет, нет! Спасибо, уже выпила, – отвечает старшая. Мелек быстро выходит из комнаты.

Сабина, оставив, наконец, в покое ложку, начинает в упор глядеть на Лейлу, переглядываясь с матерью. Чтобы прервать неловкую паузу, Лейла спрашивает, обращаясь к старшей:

– Как Зюмрюд? Я слышала, она мальчика родила?

– Слава богу, все нормально, – с тем же едва скрываемым сарказмом отвечает Амина. – А я слышала, вы разводитесь с мужем?

Лейла цепенеет.

– Мама... – тихо говорит Сабина.

Оправившись от шока, Лейла холодно отвечает:

– Я извиняюсь, развожусь я или нет – вас не касается.

– Ах, не касается...? – расплывается в змеиной улыбке Амина. – А уводить чужих мужей из семьи нас тоже не касается? Вот именно, что касается!

Она почти срывается на крик.

– Что вы такое говорите? – повышает следом за ней голос Лейла.

– Тебе бы молчать, а ты на меня кричать будешь? Джавид...

В комнату с чаем на подносе входит Мелек.

– ...Сабиночкин муж, мой зять...! Сабиночка всю вашу переписку видела...! Покажи ей! – поворачивается она к дочери. – Пусть полюбуется, бессовестная!

Сабина швыряет на стол телефон Джавида.

– Скажи спасибо, что Рауф еще об этом ничего не знает! – злорадно вставляет Мелек. – Я так и знала...

– Я у Джавида все нашла... – с надрывом говорит Сабина.

– Бедный ребенок на третьем месяце, – кричит Амина, – и находит такое! «Я тебя люблю, я тебя люблю». ...Представляешь себе, Мелек? А если у нее выкидыш будет? Да я ее на части разорву...! Ты извини, конечно...

– Да что я – не понимаю, что ли...? – ехидно смотрит на Лейлу Мелек. – Я б в такой ситуации, наверное, с ума сошла...

– Любовь у них, понимаешь, школьная! Бессовестные! Я у этого негодяя спрашиваю: «Джавид, это что такое вообще? Как у тебя только совести хватает!» Сидит, голову опустил: «Я, – говорит, – Амина-ханым, как в затмении был. Я, – говорит, – Сабину больше жизни люблю...»

Лейла выскакивает из-за стола и выбегает из столовой.

– Бессовестная...! – несется ей вслед. – Убирайся туда, откуда приехала...!

– ... к мужу и детям...

– ...подожди, Рауф еще обо всем узнает!

31. В ночь на воскресенье (продолжение)

Отперев входную дверь дома, Лейла включает свет в пустом фойе. Дом холодный и пустой. Волоча за собой чемодан и тяжелую сумку, она сразу же идет к двери, ведущей в подвал.

Опять сорвался прелый весенний ветер. Слышно, как он воет над головой, продувая опустевшие комнаты особняка. Крутит мусор в темном дворе-колодце. И опять подозрительно скрипят разошедшие половицы. Дом кряхтит. Темнота сочится в трещину.

Лейла добирается до подвальной квартиры и, бросив вещи на пороге, осторожно садится на кушетку. Некоторое время она сидит так молча, держа руки на коленях. Лицо ее ничего не выражает, почти как у кариатид, поддерживающих балкон. Остекленевшими глазами она смотрит на крытый клеенкой пустой стол под желтым абажуром. В пол-окна почти под самым потолком бьется злой ветер.

Устало поднявшись с кушетки, Лейла медленно кружит по комнате. В задумчивости доходит до кухни за занавеской. Открывает кран и, пропустив воду, пьет из-под крана. Заливается трелью оставленный на кушетке телефон. Звонки звучат резко, требовательно. Прерываются. Начинают звонить снова. Лейла возвращается к кушетке и, равнодушно глядя на экран, выключает телефон. Бросив его обратно на кушетку, она опять начинает ходить по комнате, включает телевизор в углу на трюмо. По экрану бежит шипящая белая рябь. Лейла стоит некоторое время, глядя на экран, затем открывает дверцу трюмо и заглядывает внутрь. Поверх стопки старых журналов лежит фотоальбом.

Чужая жизнь.

Сидя за столом, она листает страницы, разглядывает старые черно-белые фотографии с офицерами и девочками в нарядных платьях, с молодым человеком в папахе и бурке, с дородным мужчиной на палубе парохода.

Из полумрака комнаты выходит Сара. Лейла замечает ее только когда она уже вплотную приближается к столу.

– Кто вы? – испуганно спрашивает Лейла, вскочив с места и прижавшись спиной к стене.

– Я...? Сара.

– Сара?

– Я живу здесь, девочка. Не бойся, садись.

Продолжая глядеть на нее со страхом, Лейла не отвечает.

– Садись, садись, не бойся, девочка, – ласково говорит Сара. – Тебе нечего меня бояться. Поставь-ка лучше чайник. Поговорим. И тебе станет легче. И я так соскучилась поговорить с кем-нибудь.

– Я, кажется, с ума схожу... – лепечет Лейла.

– Поставь чайник. Там и варенье должно остаться...

...Они сидят за столом перед открытым альбомом. На плите закипает чайник.

– ... так умерла, что и сама не заметила, – смеется Сара. – Ты думаешь, так не бывает? Бывает, девочка, бывает! Поверь мне – в жизни все бывает...

32

Перед домом, полоснув светом фар лица кариатид, резко останавливается машина. Из нее выскакивает Джавид и, на ходу оглядев темные окна особняка, подбегает к двери с бронзовой табличкой «А.Асадуллаев». Он начинает отчаянно стучать в нее.

– Лейла...? Лейла...? Ты там...? Открой, пожалуйста! – лицо его бледно, он то и дело облизывает сухие губы. – Они все наврали, ничего она не беременна, подло забрали мой телефон, я сказал, что ухожу от нее, что люблю тебя...

Звуки его голоса и грохот стука катятся по дому и замирают где-то в его бесконечных переходах.

– Лейла...! Ну, пожалуйста...

33. В ночь на воскресенье (завершение)

На часах уже половина третьего утра. Лейла кутается в халат.

– ...знаешь, девочка, нет ничего хуже страха. Самый горький яд. Самый мерзкий.

– Страх? А предательство?

Лейла задумчиво встает вдруг из-за стола и, кутаясь в халат, подходит к книжным полкам в углу.

– Видишь, и халат мой тебе пригодился, – говорит ей Сара. – Там еще есть теплые вещи, надень, если хочешь. Предательство...

– Что стало с вашим женихом? – обернувшись, резко спрашивает Лейла. – С профессором.

– Я же говорила – умер он.

– Нет, до этого? Он переехал?

Сара молчит.

– Скажите! Он переехал? Что с ним стало? – голос Лейлы начинает дрожать.

Сара продолжает молчать, глядя на Лейлу.

– Не молчите!... Мне нужно знать... Почему вы не говорите! – Лейла тянет руку к верхней полке и начинает доставать оттуда одну за другой тоненькие монографии в переплетах. На обложках: Проф. А. Асадуллаев, Доктор А. Асадуллаев, Доцент А.Асадуллаев...

– Предательство можно пережить, девочка... а страх убивает...

Заливаясь слезами, Лейла швыряет монографии и книги на пол. Одна из них раскрывается на полу на фотографии ее деда.

– ...он постепенно выменял или выкупил все квартиры в доме... – говорит Сара.
– И так этот дом стал вашим...а я продолжала здесь жить, тихо, как мышь... никто и не знал, жива я или нет...

– ...Лейла...! – глухим отзвуком доносится до подвала голос Джавида.

– ...украденная жизнь...! Украденная жизнь...! – рыдает Лейла, стоя на коленях на полу.

34

Новый электрический щит под лестницей вдруг взрывается снопом голубоватых искр, освещая на мгновение темное помещение. С металлическим лязгом отлетает дверца. Из щита начинает валить клубами дым, рвется огонь.

Джавид замирает перед дверью.

Лейла, не обращая внимания на треск на верхних этажах и на моргающий свет абажура, продолжает захлебываться слезами. Сара пытается поднять ее с колен.

– Девочка, девочка... – причитает она, – тебе нужно уходить. Что-то не так...

Дым стелется по коридорам, дым ползет по лестницам. В гостиной с камином огонь уже лижет стены, весело вспыхивают висящие ключьями обои.

Гаснет свет.

Дым сочится под дверь подвальной комнаты.

Сара поднимает, наконец, Лейлу с колен и ведет ее под руку в глубину комнаты, к окну. Лейла никак не может справиться со слезами. Они идут, спотыкаясь, нелетая в темноте на мебель. Треск горящего дома нарастает с каждой секундой.

– Что... что... – заикается Лейла.

– Беги, девочка!

– Я не могу... куда бежать... зачем...

– ...Лейла...! – далекий голос Джавида.

Сара помогает ей снять халат. Лейла совершенно дезориентирована, беспомощна. Заплаканными глазами она смотрит в спокойное лицо Сары.

– Я не знаю, что делать... – шепчет Лейла.

– Ничего не бойся, девочка! Живи без страха...

Сара берет стул и, приподнявшись на цыпочках, разбивает им окно под нависающим потолком.

– Выходи! – кричит, подталкивая Лейлу к стене с окном. – Залезай на стул!

Лейла оборачивается к Сара и порывисто обнимает ее.

– Простите нас... – шепчет она.

Огонь рвется сквозь дверь. Сара гладит Лейлу по растрепанным волосам.

– Ничего не бойся! – повторяет она.

Встав на стул, Лейла хватается за раму, режется осколками стекла, пытается подтянуться. В доме что-то лопается с невероятным грохотом. Просунувшись на треть в окно, Лейла никак не может выбраться сквозь узкую раму. В окне появляется рука Джавида. Он хватает ее за локоть и тянет к себе.

Дом рычит, изрыгая огонь из всех окон. Багровым сосудом пульсирует расплывающаяся на глазах трещина в стене. Прижав к себе Лейлу, Джавид пытается вывести ее со двора. Она, не отрываясь, смотрит в разбитое окно подвала, из которого, невидимая никому, ей улыбается Сара.

Столб огня взметается от крыши вверх.

Она бежит по беговой дорожке. В ушах наушники. Лицо ее, как всегда, сосредоточено. Она бежит, не обращая ни на кого внимания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Формула риска

Хорошо это или плохо, но фигура Зейналабдина Тагиева в нашем коллективном сознании давно уже вышла за пределы истории и времени. Перипетии его судьбы из персональной драмы превратились в живописные подробности мифа. И, как обычно случается в результате подобных метаморфоз, забронзовевший Тагиев намного примитивнее, а главное, – скучнее его исторического прототипа.

Тагиев реальный заслуживает серьезного исследования. Его жизнь может помочь нам разобраться в его непростой современности, а заодно объяснить кое-что и в нашем с вами настоящем.

Еще не вполне канувший в лету советский хороший тон в обращении с юбилеем обязывает перечислять его заслуги, вручать ордена и ценные подарки. Например – кузнецовские сервисы. В тех же случаях, когда юбилей не дотянул до чествования, в ход идут памятные доски, бюстики в тихих скверах, либо, в зависимости от конъюнктуры, все ограничивается мультимедийными панегириками в духе «штрихов к портрету».

Последнее представляется мне делом неблагодарным. В чем-то даже и неблагоприятным. Тем более, что к сложившемуся мифическому образу мне особенно нечего добавить. Причиной же написания этих заметок является довольно простой вопрос – простой, хотя с учетом надвигающегося юбилея, не самый тактичный: почему, собственно, из всей пестрой когорты бакинских миллионеров именно он стал легендой? Да еще чуть ли не при жизни! Ну неужели только лишь потому, что был самым щедрым из своего круга? Ведь этого явно недостаточно. Маловато для мифа. В конце концов, и другие – Муса Нагиев, Муртуза Мухтаров, Шамси Асадуллаев тоже строили и содержали на свои средства не меньше: больницы, училища, богадельни... И студентов отправляли учиться за границу. И не просто жертвовали, а еще и мерились тем, кто потратит больше. И вообще, в те годы не только в нефтяном Баку, но повсюду – в Европе, Азии, Америке – вырвавшийся на волю джинн начального капитализма не только задорно преобразовывал старый мир вокруг, насыщая его мануфактурой, паром, турбинами, но и добровольно принял на себя роль двигателя социального прогресса. Так что не жертвовать на благотворительность и всяческое обустройство родного города среди бакинских богачей было моветоном. Те же братья Нобели вложились аж в целый комплекс – «Виллу Петролиа» в «Черном городе». Понастроили образцовых домов для рабочих, для них же – поликлинику, библиотеку, разбили роскошный парк, а воду, чтобы его поливать, везли танкерами из Астрахани. Даже кегельбан построили. Так что Тагиев в этом смысле не был уникальным.

Говорят, он был патриотом. На работу на свои фабрики принимал только нашего брата мусульманина. Но и это вряд ли можно считать уникально тагиевским. Такое же правило существовало и у Нагиева, и у отца его будущего зятя Асадуллаева. Да и армянин Манташев брал к себе только своих. Марксовские буржуи, не смотря на эмансипационную природу капитала, по сути дела, и были первыми историческими националистами, разодравшими в клочья аморфный имперский космополитизм. Это ведь только пролетарии всех стран мгновенно сбиваются в шумные толпы без оглядки, где хотят и когда хотят. А классический буржуй – всегда националист.

Так в чем же секрет? Как мне кажется, у меня есть довольно симпатичная догадка. Американский экономист Нассим Талеб в одной из своих книг предположил, что умение рисковать, буквально ставить на кон все – от репутации до денег – критически необходимая способность не только для ведения успешного бизнеса, но и вообще – для любого прогресса в целом. Без риска человечество так бы и застряло в безнадежном каменном веке, потому как одного накопленного опыта и знаний недостаточно для сколько-нибудь мало-мальски значительного развития. Говоря о риске, Талеб имеет в виду не какую-нибудь бессмысленную «русскую рулетку», а просчитанный и хорошо понятный риск. Рисковать ради новой идеи, нового видения, более-менее просчитав всевозможные негативные последствия, – это способность пассионарного человека: брать на себя всю ответственность за последствия своих действий. И за свои ошибки. Далее Талеб переводит свой тезис в плоскость этики (куда уж без нее). Просчитанный риск оправдан только лишь тогда, когда соответствует нехитрой формуле: никогда не рискуй чужой шкурой, при этом не рискуя своей.

В определенном смысле эта формула исторична для нашей части мира. Например, когда-то в османской и персидской армиях существовало правило – войско не сражается без султана на поле битвы. То, что поздние историки воспринимали как организационную слабость, на самом деле было чем-то иным – умением ставить на кон свою шкуру.

Покоритель Константинополя Мехмед Фатих погиб в победоносном сражении под Косово.

Оба Тагиева – историческая личность и миф из народной памяти – следовали этой формуле. И не боялись рисковать. Загляните хотя бы в Википедию. Во многом благодаря этому из поденщика (каменщик за 20 копеек в день), а потом мелкого торговца мануфактурой, он вырос в выдающегося промышленника, менял отрасли, от нефти переходил к текстилю, от текстиля к заводам по переработке рыбы, занимался строительством, судоходством, издательством и прочее, прочее. Но не это все-таки главное. Главное, что, как потом выяснится, принимая самое важное решение в своей жизни, – уехать или остаться, – Тагиев жестоко просчитался и заплатил за это самой высокой ценой – искалеченными жизнями своих детей.

Мамед – офицер «Дикой Дивизии», погиб в 1918.

Ильяс – был арестован в Москве. Умер в психушке в 1939.

Лейла – вышла замуж за сына Асадуллаева. Покончила жизнь самоубийством в Стамбуле в 1945.

Сара – была арестована НКВД в 1934. Умерла почти в полной нищете в Баку.

Когда разразилась революция, Тагиев не уехал, как большинство из его круга. Не перевел, как тот же Мухтаров, капиталы за границу. Тагиев, скорее всего, не верил, что власть Советов продержится долго. Да и как было поверить? Человек рациональный, он верил в активное преобразование мира через технологии и технический прогресс, хотя, думаю, прекрасно понимал, что в основе миллионов, нажитых им, лежит рабский труд тысяч людей, которым он дал работу. От этого он и был одержим благотворительностью.

С Советами Тагиев ошибся. Но помним мы его, а не Мухтарова или братьев Нобель, при всем к ним уважении. Как это ни парадоксально звучит, за эту ошибку мы и ставим ему памятник и проводим его юбилеи. За то, что он не рисковал из дальнего блиндажа, в безопасности наблюдая за исходом сражения. Тагиев остался с теми, с кем вместе когда-то преображал маленький пыльный городок на берегу Каспия в залитую электрическими огнями столицу.